



"Все еще верю в чудо"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

— Прячьте фамильные драгоценности, джентльмены, — громко произнесла Лайла Андерсон, открыв дверь мужской раздевалки в больнице Святой Марии. — Дамы идут!

Ритмично постукивая высокими каблуками по кафельному полу, Лайла прошла мимо медбрата, снимающего брюки, и анестезиолога, пытающегося прикрыть свою наготу слишком маленьким полотенцем, едва удостоив взглядом обоих. Ее появление было встречено покашливанием и приглушенным смехом, но она оставалась невозмутимой.

Она была полностью сосредоточена на своей цели — найти его.

Никто не осмелился ее остановить. Будучи главным администратором ведущего хирургического центра в Такоме, она может уволить любого из них в два счета.

Один упрямый сотрудник последние пару недель уклоняется от разговора с ней, поэтому она и выбрала единственное место, где сможет завладеть его безраздельным вниманием.

Лайла прошла в душевую. Из-за пластиковых кремовых занавесок шел пар. Ванда, секретарша Карлоса, сказала ей, что он принимает душ после продолжительной операции. Что он очень устал и потому не в духе.

Предупреждение Ванды не остановило Лайлу. Ведь это отличная возможность получить то, что ей нужно от мужчины. Она росла вместе с двумя братьями. Ей не удалось бы найти с ними общего языка, если бы она периодически не вторгалась в их мужское святилище.

Все пять кабинок были заняты. Через штору первой проглядывал силуэт низенького полноватого мужчины. Это не Карлос. Из-за второй занавески высунулась лысеющая голова, и на нее изумленно уставились зеленые глаза.

— Добрый день, Джим, — сказала она главному педиатру.

Тот снова скрылся за шторой, и Лайла пошла дальше. Остановившись перед третьей кабинкой, она уставилась на силуэт высокого, худощавого мужчины, моющего голову. Она слишком хорошо знает это тело, чтобы перепутать его с каким-то другим. Ей не нужно отодвигать занавеску, чтобы убедиться в том, что это Карлос Медина, хирург, ее бывший любовник и в довершение всего старший сын бывшего европейского монарха. Однако вовсе не его королевское происхождение произвело на нее впечатление. Прежде чем Лайле стало о нем известно, она восхищалась его умом, состраданием к пациентам...

А также его телом, которое отлично выглядит в униформе хирурга, а еще лучше без одежды. Но это последнее, о чем ей сейчас следует думать.

Собравшись с духом, Лайла схватила край занавески и отодвинула ее в сторону. Металлические кольца зазвенели на карнизе.

Ее тут же окутало облако пара, затуманив ей взор. Когда пар немного рассеялся, она увидела высокого, хорошо сложенного мужчину. Он намыливал обеими руками голову, и мышцы его спины и плеч сжимались и разжимались. Струи воды стекали по его спине, упругим ягодицам

и длинным ногам, покрытым темными волосками. Он мало времени проводит на солнце, потому что фактически живет в операционной. Но ему не нужно загорать. У него естественный оливковый цвет кожи.

Он медленно повернулся, но на лице его не было и намека на удивление или смущение. Его темно-карие, почти черные глаза пристально уставились на нее. Внутри у Лайлы все сжалось.

Карлос поднял одну густую бровь.

— Чем могу быть полезен? — В его голосе слышался едва заметный испанский акцент, который только усиливал его сексуальность.

В соседней кабинке прекратился шум воды, и главный педиатр поспешно покинул душевую.

Лайла поправила жакет:

— Мне нужно с тобой поговорить.

— Если бы ты позвонила по телефону, то не поставила бы моих коллег в неловкое положение.

Он говорил, как всегда, спокойно, не повышая голоса, словно был уверен в том, что его собеседник будет ловить каждое его слово.

— Это не телефонный разговор. Это личное дело, которое касается только нас с тобой.

Его глаза на мгновение вспыхнули, но он тут же взял свои эмоции под контроль.

— Ничего личного между нами быть не может, босс. — Он выключил душ. — Не могла бы ты передать мне полотенце?

Схватив с крючка белое махровое полотенце с логотипом больницы, она бросила его Карлосу, чтобы избежать случайного соприкосновения их рук. Пока он оборачивал полотенце вокруг бедер, она не удержалась и позволила себе несколько секунд полюбоваться суровыми мужественными чертами его лица. Вода стекала с его черных как смоль волос. Его темные глаза редко улыбались, но были похожи на горящие угольки, когда он занимался с ней любовью.

Повернувшись, он взял свой шампунь. Ее взгляд задержался на шрамах в нижней части его спины. Он говорил, что хромает потому, что в юности неудачно упал с лошади. Когда она впервые увидела эти шрамы, он прервал ее расспросы, начав покрывать жаркими поцелуями ее обнаженную кожу. Хотя она по образованию юрист, а не врач, она пришла к выводу, что много лет назад он получил тяжелую травму позвоночника.

Положив шампунь в пакет с туалетными принадлежностями, он снова повернулся лицом к Лайле и, сделав шаг в ее сторону, произнес:

— Выкладывай быстрее, что тебя сюда привело.

— Ты не перестаешь производить на меня впечатление своим шармом.

— Если тебе нужен шарм, четыре года назад ты взяла на работу не того человека. — Когда они познакомились, ему было тридцать шесть, а ей тридцать один. — Большую часть дня я восстанавливал позвоночник семилетней афганской девочки, которую ранило при взрыве мины. Я как выжатый лимон.

Против своей воли Лайла прониклась к нему сочувствием. Разумеется, Карлос очень устал. Даже когда он подавлял свою гордость и оперировал сидя на стуле, старая травма давала о себе знать. Но она не может сейчас себе позволить смягчиться.

Они четыре года были друзьями, но после рождественского приема, посвященного сбору средств на благотворительные нужды, Карлос стал держаться с ней холодно и отчужденно. Причина была в одной-единственной импульсивной ночи страсти, которую они провели вместе. Конечно, она не ждала, что он сделает ей предложение руки и сердца, но перемена его отношения к ней расстроила Лайлу.

Секс был просто потрясающий. При воспоминании о чувственном наслаждении, которое подарил ей Карлос, внутри у нее все заныло. Лайла думала, что после той близости они продолжают дружить как ни в чем не бывало, но он внезапно от нее отдалился. Его холодная вежливость выводила ее из себя.

— У меня нет времени для обмена любезностями, — сказала она. — Я пришла сюда только для того, чтобы кое-что тебе сообщить. Давай одевайся, и мы поговорим.

Он слегка подался вперед, и его дыхание согрело ей висок.

— Ты не из тех женщин, которые устраивают сцены. Давай встретимся, когда ты успокоишься, и поговорим. Ситуация и без того неловкая.

Лайла вдохнула запах его свежeweымытого тела. Да, она выбрала не самое подходящее место и время для разговора, но об упрямстве Карлоса ходят легенды. Несомненно, больничный персонал не оставит этот инцидент без внимания.

Это наилучшая возможность все ему сказать, и она не может ее упустить.

— Я не собираюсь назначать тебе встречу. Этот разговор нельзя откладывать. — Лайла понизила голос, хотя звук удаляющихся шагов за шторой говорил о том, что в раздевалке осталось уже не так много народа. — Мы поговорим. Сегодня. Осталось только решить, сделаем ли мы это здесь при свидетелях или в кабинете. Поверь мне, если мы останемся здесь, ситуация может стать еще более неловкой.

Карлос поднял бровь.

За шторой послышался сдавленный смешок. Посмотрев на Карлоса, Лайла внезапно осознала, как близко они стоят друг к другу, но не сдвинулась с места. Карлос игнорировал ее почти три месяца. Она чувствовала обиду, потому что до этого они были друзьями.

— Я видела тебя раздетым раньше. Я прекрасно помню...

— Достаточно, — отрезал Карлос.

— Всемогуший принц Медина заговорил, — съязвила она, затем вышла из кабинки, чтобы взять его униформу.

Трое полуобнаженных мужчин уставились на нее разинув рот. Только в этот момент Лайла осознала весь ужас происходящего. Ей оставалось лишь надеяться, что во время этого разговора она сможет устоять перед Карлосом. Она прижала пальцы к губам, помня об их страстном поцелуе, который привел к серьезным последствиям.

Просунув руку за штору, она передала ему его вещи:

— Одевайся. Я подожду.

Когда Карлос оденется и они перейдут в кабинет, он узнает правду, с которой сама она начала привыкать только сейчас. Правду, которую она больше не может от него скрывать.

Через шесть с половиной месяцев доктор Карлос Медина станет отцом.

Карлос с трудом сохранял самообладание. Прежде он никогда не позволял себе его терять.

Разумеется, он совершил глупость, переспав два с половиной месяца назад с Лайлой. Он разрушил их дружеские отношения.

Обойдя уборщицу, моющую пол, Карлос проследовал за Лайлой по пустому больничному коридору, освещенному лампами дневного света. За окнами моросил дождь. Сквозь пелену облаков прорезался слабый луч вечернего солнца. Внимание Карлоса было полностью сосредоточено на женщине, идущей впереди. Разговор состоится в его кабинете. На его территории.

Она получила преимущество, когда без предупреждения ворвалась в душевую, но он больше не намерен ей уступать. К тому же, уединившись в кабинете, они могут рассчитывать на конфиденциальность. С тех пор как пресса узнала о его королевском происхождении, папарацци наводнили больницу. Поначалу он даже боялся, что ради безопасности пациентов ему придется уволиться, но на выручку ему пришла Лайла. Она запретила журналистам появляться в больнице и усилила меры безопасности. Кроме того, она перевела его приемную в дальний угол здания. Папарацци пришлось бы пройти два пункта охраны и полдюжины медсестринских постов, прежде чем попасть в его новый кабинет. До сих пор никому не удавалось этого сделать.

Да, он недооценил ее тогда, но больше не совершит подобную ошибку. Он давно понял, что с этой женщиной нужно держать ухо востро. Когда она вошла в его душевую кабинку, ее взгляд жадно заскользил по его телу, словно она хотела к нему прикоснуться. Черт побери, она застала его врасплох в тот момент, когда он был в чем мать родила.

Не слишком ли долго он смотрит на ее плавно покачивающиеся бедра под черной юбкой? Его взгляд поднялся вверх по ее спине, изящному изгибу шеи, затем задержался на золотисто-каштановых волосах, собранных в тугий узел. Один упрямый локон рядом с ухом выбился из прически, и Карлосу безумно захотелось намотать его на палец. Как он может думать о подобных глупостях, когда так на нее зол?

Он хотел ее несколько лет, но знал, что не должен давать волю рукам. Лайла слишком проникательна. Кроме того, она его хороший друг и такой же трудоголик, как и он сам. Любые отношения между ними, кроме профессиональных и дружеских, были бы катастрофой. У него немного надежных друзей, поэтому он ценил то, что давала ему Лайла.

Войдя в свою приемную, Карлос наконец оторвал взгляд от ее соблазнительных бедер и кивнул секретарше, пожилой женщине, на столе которой стояли фотографии ее двенадцати внуков.

— Не соединяйте меня ни с кем, Ванда. Я отвечу, если только речь пойдет о состоянии здоровья афганской девочки.

Ноющая спина напомнила ему о том, как долго он собирал по частям детский позвоночник, делая все возможное, чтобы девочка смогла в будущем двигать руками. Ходить она, к сожалению, скорее всего, никогда уже не будет.

В то время как его походка была нетвердой, Лайла ритмично постукивала высокими каблуками своих красных туфель. Войдя в кабинет, он оперся рукой сначала о стену, затем о спинку дивана, чтобы немного ослабить напряжение.

Проведя кончиками пальцев по корешкам медицинских журналов на полке, Лайла остановилась перед картиной Хоакина Соролья-и-Бастиды, подарком его среднего брата Дуарте. Это было полотно из серии «Печальное наследство», изображающее детей-калек, купающихся в целебных водах.

Как бы Карлос ни отдалялся от своей родины, связь с ней никуда не исчезала. Он не может забыть, что он старший сын свергнутого короля Сан-Ринальдо, маленькой островной страны у побережья Испании. Что его отец вместе со своими тремя сыновьями сбежал во Флориду и на протяжении нескольких десятилетий жил там инкогнито на собственном острове.

Лишь совсем недавно пресса напала на след семьи Медина. Он и двое его братьев живут сейчас в разных уголках Соединенных Штатов. Еще четыре месяца назад они спокойно жили под вымышленными именами.

Большую часть своей жизни он был известен как Карлос Сантьяго, теперь благодаря вмешательству одной любопытной журналистки все знают, что он не кто иной, как Карлос Медина, наследник более не существующего престола.

Лайла — единственный человек, чье отношение к нему не изменилось после того, как весь мир узнал о его королевском происхождении. Оно не произвело на нее впечатления. Она не разозлилась на него за то, что он все эти годы утаивал от нее правду. Она поняла, почему он скрывал от всех свое настоящее имя, и не задавала ему вопросов. Будучи администратором больницы, она лишь попросила его подтвердить, что его документы об образовании и праве на медицинскую деятельность не поддельные. Он считал ее практичной и здравомыслящей. Но что заставило такую благоразумную женщину, как Лайла, войти в мужскую душевую?

Карлос закрыл дверь, и они оказались наедине в небольшом замкнутом пространстве. Он всегда был приверженцем минимализма. Никаких излишеств, только необходимая мебель, книги и картина, подарок брата.

Прислонившись спиной к стене, он посмотрел на Лайлу. Ее лицо было очень бледным, под зелеными глазами залегли тени. Его профессиональное чутье включилось. С ней явно что-то не так. Только крайняя необходимость могла заставить ее пойти на столь отчаянный шаг. Ему следовало сразу это понять. Обычно она, как высокообразованный юрист, тщательно просчитывала каждый свой шаг и спокойно излагала суть проблемы. Карлос мысленно отругал себя за то, что подумал, будто она пришла выяснять отношения.

— У тебя плохие новости, касающиеся финансирования нового реабилитационного крыла?

— Речь пойдет не о работе. — Лайла закусил губу.

Его беспокойство усилилось. Ведь они были друзьями в течение четырех лет. Отойдя от стены, он направился к ней, и его обонятельные рецепторы уловили ее запах. Он был легкий, едва слышимый. В больнице запрещалось использовать сильно пахнущие парфюмерные и косметические средства. Однако аромата Лайлы оказалось достаточно, чтобы его пульс

участился.

Она наблюдала за каждым его шагом. Несомненно, от нее не укрылось, что после напряженного рабочего дня его хромота стала заметнее. Он уже давно перестал ее стесняться. У него слишком много важных дел, чтобы обращать внимание на жалость других людей. Он знал, что ему крупно повезло, что он вообще может ходить.

— И что за важное дело заставило тебя устроить сцену, которая весь следующий месяц будет главной темой для больничных сплетен?

— Это касается того, что случилось после рождественского благотворительного вечера.

Карлос резко застыл на месте. Одна ее фраза снова пробудила воспоминания о том вечере, когда они пробрались сюда, в его кабинет, а затем поехали к нему домой, где провели вместе ночь. Эти воспоминания стали еще ярче после того, как она вошла в его душевую кабинку. Хорошо, что она так быстро передала ему полотенце и не заметила, как его тело отреагировало на ее появление. К счастью, ему удалось удержать под контролем свое либидо.

Однажды он уже повел себя довольно безрассудно, пойдя на поводу у своей страсти и переспав с Лайлой. С тех пор он мучился каждый день, вспоминая ту ночь и понимая, как легко было бы снова поддаться искушению. Думая о том, как она ласкала его взглядом несколько минут назад, он отчаянно перебирал в уме причины, по которым ему следует держать руки подальше от нее.

Но каким-то образом его палец самопроизвольно потянулся к локону у нее над ухом. Мягкость ее кожи, шелковистость волос вмиг лишили его остатков самоконтроля.

Ее зеленые глаза загорелись от желания за мгновение до того, как его ладонь легла ей на затылок. Затем он сделал последний шаг ей навстречу, и их тела прижались друг к другу.

— Карлос, — прошептала Лайла, положив ладони ему на грудь, — ты такой самонадеянный.

Все же она его не оттолкнула, и он мгновение спустя накрыл ее губы своими. Желание пронзило его подобно острому скальпелю. Рассерженная, Лайла схватилась за его халат и неистово рванула его на себя. Ее язык мгновенно проник вглубь его рта и столкнулся с его языком. Карлос вспомнил, как быстро она воспламеняется. Избегать ее эти несколько недель было необходимо и в то же время бесполезно.

Рано или поздно это должно было случиться. Он запустил пальцы в ее волосы. Шпильки вылетели из них, и шелковистые пряди заструились по его коже. Как просто было бы сейчас стащить с нее костюм и раздеться самому. Кожаный диван в другом конце кабинета так и манит продолжить начатое.

Но стол гораздо ближе.

Резким движением Карлос смахнул со столешницы красного дерева держатель для ручки, календарь и блокнот, и они с грохотом разлетелись по полу. Затем, слегка наклонив Лайлу, он положил ладони ей на ягодицы, слегка ее приподнял и посадил на край стола. Когда он расстегнул верхнюю пуговицу жакета и погладил ее грудь под атласной блузкой, Лайла запрокинула голову и одобрительно застонала. Тогда он спустил жакет с ее плеч и просунул ладонь спереди под пояс ее юбки, чтобы вытащить блузку.

Неожиданно Лайла застыла в его руках. Ее реакция подействовала на него как холодный душ,

вернув к реальности. Отстранившись от нее, он прислонился к столу рядом с ней и сделал глубокий вдох. Она быстро надела жакет. Ее волосы оказались под ним.

Пора расхлебывать кашу, которую он сам заварил.

— Лайла, я, видимо, совершал ошибку, пытаюсь игнорировать то, что произошло между нами в ночь после благотворительного мероприятия.

— Ты прав, черт побери, это действительно произошло, — отрезала она, слезая со стола и застегивая дрожащими пальцами пуговицы. — Поверь мне, я вряд ли когда-нибудь об этом забуду.

На это у Карлоса нашелся один-единственный ответ:

— Тот факт, что я ношу фамилию Медина, очень усложняет мою жизнь. Ради тебя и ради себя самого мне бы хотелось, чтобы все было проще, но, к сожалению, это невозможно. — Протянув руку, он высвободил ее волосы из-под жакета. — Думаю, нам следует быть друзьями и любовниками.

Ее глаза расширились и уставились на него не мигая. Она открыла рот и снова закрыла, после чего из ее горла вырвался смешок. Затем она обхватила рукой свой живот и, закрыв глаза, засмеялась громче, недоверчиво качая головой.

— Лайла? — Карлос приподнял ее подбородок, и она снова открыла глаза. — Для нас обоих было бы лучше дать волю этому взаимному желанию, а когда оно угаснет, вернуться к нормальной жизни.

Она перестала смеяться. Ее лицо помрачнело.

— Некоторое время назад я бы с тобой согласилась, но боюсь, что сейчас для этого уже поздно, Карлос.

Разочарование, охватившее его, оказалось сильнее, чем можно было ожидать. Ему следовало прийти к ней раньше. Наверное, она обижается на него за то, что он так долго ее игнорировал.

— Я не согласен, — возразил он.

— Ты не знаешь всего, Карлос. — Лайла выпрямилась во все свои пять футов шесть дюймов. Даже на каблуках она едва доходила ему до плеча. — Я беременна. Уже почти три месяца. Ты отец этого ребенка.

Беременна?

Ее сообщение подействовало на него как удар под дых. Но потрясение быстро сменилось недоверием. Затем он ощутил горечь предательства.

А ведь он думал, что уже привык к тому, как легко люди обманывают друг друга! Из его горла вырвался горький смешок.

Лайла сложила руки под грудью, словно защищая своего будущего ребенка.

— Если ты сделал это в отместку за мой смех, я этого не оценила. Не вижу здесь ничего смешного.

— Поверь мне, я тоже. — Рубцы на его спине запульсировали, напомнив ему обо всем, что он потерял более двадцати пяти лет назад во время государственного переворота на Сан-Ринальдо. Остальным он говорил, что повредил позвоночник, в юности упав с лошади. Эта ложь была не такой страшной, как правда.

Ее губы плотно сжались, гнев стал почти осязаемым.

— Думаю, этого маловато, чтобы рассказать нашему ребенку, когда он вырастет.

— Нашему ребенку? Я так не думаю. — Если у кого и есть причины для гнева, так это у него. — За недостаточностью улик я тебя оправдаю и буду считать, что ты просто ошиблась насчет того, кто отец твоего ребенка. Мне было бы неприятно думать, что ты нарочно пытаешься навязать мне ребенка другого мужчины.

Лайла больно ударила его ладонью по лицу:

— Ты мерзавец!

— Прошу прощения? — спросил он, приложив руку к щеке.

— Ты прекрасно слышал, что я сказала. Поверь мне, это самое безобидное слово, которым я могу тебя назвать. Может, мы больше и не являемся друзьями, но такого я от тебя не ожидала. Я думала, что ты человек чести.

Проведя ладонью по лицу, Карлос подавил желание бросить ей в лицо встречное обвинение. Ведь она ждет ребенка. Пусть даже не от него. Почему-то эта мысль причиняла ему боль.

Он обуздал свой гнев:

— Лайла, прости, но это не мой ребенок.

Она одернула свой жакет:

— Я не буду заставлять тебя признавать или любить его. Он или она заслуживает большего. Я исполнила свой долг и сказала тебе все, что было нужно. Теперь можешь убираться ко всем чертям.

Ее искренний гнев говорил о том, что она действительно думает, будто ребенок его. Скорее всего, ей неправильно определили срок, и она пришла к ложному выводу. Он не слышал, чтобы в последнее время она с кем-то встречалась, но, должно быть, это так, раз она забеременела.

— Послушай меня внимательно. — Карлос указал на ее живот. — Это не мой ребенок. Тебе следует поговорить с его настоящим отцом.

Когда он осознал, что в то время, когда они были вместе, у нее были отношения с другим мужчиной, его охватило чувство ревности. Он начал перебирать в уме возможных кандидатов из сотрудников больницы, но тут же отругал себя за это:

— Ты права, считая, что мужчина имеет право знать о своем будущем отцовстве. Прости, но я никак не могу быть отцом твоего ребенка.

В ту роковую ночь, когда на Сан-Ринальдо произошел переворот, мятежники застрелили его мать и чуть не убили его, когда он пытался ее защитить. Пытался, но не смог.

Он поднял руку, чтобы Лайла не перебила его и не ушла.

— Хромота была не единственным последствием того несчастного случая, что произошел со мной в юности. — Глубоко вдохнув, он заставил себя сказать то, о чем никогда никому не говорил: — Лайла, я бесплоден.

Глава 2

После долгих лет работы сначала городским прокурором, затем администратором больницы Лайла думала, что ее ничто уже не сможет шокировать. Конечно, она была изумлена, когда узнала о королевском происхождении доктора Карлоса Медины, но не так, как сейчас.

Схватившись за крышку стола, чтобы не потерять равновесие, она стала вглядываться в лицо Карлоса, чтобы понять, что заставило такого благородного мужчину, как он, отказаться от своего ребенка.

Ее ладонь все еще покалывало после пощечины, которую она дала Карлосу, когда он назвал ее лгуньей. Она сожалела о том, что потеряла над собой контроль тогда... и во время его сегодняшнего поцелуя. Ни один мужчина прежде так на нее не действовал. Она приложила слишком много усилий, чтобы не быть такой же легкой добычей для мужчин, как ее мать. Все же одного-единственного прикосновения губ Карлоса к ее губам оказалось достаточно, чтобы она снова потеряла голову.

Она никак не ожидала, что Карлос снимет с себя ответственность за последствия их близости.

— Ты бесплоден? — повторила она, решив, что, скорее всего, ослышалась. Ей не верилось, что такой мужественный и сексуальный мужчина, как Карлос Медина, не может иметь детей. Либо он ошибается, либо лжет.

— Да, я сказал именно это. — Он переступил с ноги на ногу. Посторонний человек не придавал бы значения этому жесту, но Лайла знала, что он сделал так для того, чтобы расслабить спину и больную ногу.

Карлос Медина хирург от Бога. Люди видят в нем врача, который творит чудеса, когда надеяться не на что. Они не замечают, что из-за напряженного рабочего графика он к концу дня еле переставляет ноги и прислоняется спиной к вертикальной поверхности всякий раз, когда у него появляется такая возможность.

Но она не может думать сейчас о том, что ее привлекает в этом мужчине.

— Почему ты ничего мне не сказал той ночью? — недоверчиво спросила она.

— Не считал это существенным, поскольку улучшение демографической ситуации в стране не было нашей целью, — саркастически усмехнулся он.

— Но ты предохранялся... за исключением одного раза.

Одно лишь воспоминание о той бурной близости угрожало ее самообладанию. Они начали в его кабинете, затем поехали к нему домой и провели оставшуюся часть ночи в объятиях друг друга.

— Это делают не только для того, чтобы избежать нежелательной беременности, — заметил Карлос.

Разумеется, она это знает. Она испугалась, когда у него порвалось предохраняющее средство, и лишь частично успокоилась после того, как он заверил ее, что ничем не болеет. Ей казалось, что она снова слышит рыдания своей матери за закрытой дверью спальни. Тогда она была ребенком, но поняла, из-за чего поссорились ее родители. Ее отец в очередной раз изменил матери и чем-то ее заразил. К счастью, они оба вылечились, но Лайлу потрясло, как быстро ее мать простила неверного мужа. Она делала это снова и снова.

Лайла не стала прогонять эти воспоминания. Они всегда придавали ей сил.

— Это твой ребенок, Карлос. Мне не нужны твои деньги. Твое королевское происхождение меня тоже не интересует. Я просто хочу, чтобы мой ребенок знал своего Отца.

— Это не мой ребенок, — произнес он с уверенностью, которая привела ее в ярость. — У меня не может быть детей.

— Все из-за того несчастного случая, что произошел с тобой в юности?

Несмотря на его уверенный тон, она никогда до конца не верила его рассказу о падении с лошади. Возможно, дело было в том, что аристократические черты его лица напрягались всякий раз, когда он об этом говорил.

— Во время операции мне занесли инфекцию, которая привела к бесплодию. На случай, если ты об этом забыла, напоминаю тебе, что я врач. — Достав с полки книгу в кожаном переплете, он бросил ее на стол. — Но если ты все еще сомневаешься в моих словах, в этой книге есть целая глава, посвященная подобным осложнениям. Я с радостью дам ее тебе почитать. Но факт остается фактом: отец твоего ребенка кто-то другой.

В его глазах промелькнула тень. Так быстро, что Лайла не смогла определить, что это была за эмоция. Возможно, гнев?

Если кто и имеет все основания злиться, то это она. Ей хотелось кричать от разочарования. Что бы ни говорил Карлос, он отец ее ребенка!

— Карлос, ты меня не слушаешь. Я ни с кем больше не встречалась, — призналась она. — За последние восемь месяцев у меня был всего один мужчина. Ты.

Его лоб прорезала складка, но он ничего не сказал.

— Поэтому вероятность того, что я могу ждать ребенка от кого-то другого, полностью исключена, — продолжила она. — Поверь мне, Карлос, я действительно беременна. — Ее голос дрогнул в первый раз за все время их разговора. — Мне делали УЗИ. Наш ребенок в полном порядке.

Быстрота, с которой изменилась ее жизнь, приводила ее в ужас. До сих пор она справлялась со всеми трудностями, выпадавшими на ее долю. Это касалось как ее учебы в Йельском университете, так и работы в Верховном суде. Но никогда еще ставки не были так высоки, как сейчас, когда внутри ее зародилась новая жизнь.

В глазах Карлоса было сочувствие и, что еще хуже, жалость.

— Ты действительно в это веришь.

— А ты не веришь.

Лайла была готова к различного рода реакциям, но такого поворота событий не ожидала. Очевидно, врач, поставивший ему диагноз, ошибся. Однако ее больно задело то, что Карлос даже не предположил это и обвинил ее во лжи. За прошедшие недели она отчаянно убеждала себя в том, что не нуждается в нем, но в глубине души надеялась на что-то. Карлос сдержанный и немногословный, но он всегда был человеком чести.

Похоже, их сегодняшний поцелуй ничего для него не значит. Она ничего для него не значит. Ей нужно сделать так, чтобы он тоже стал ей безразличен.

Лайла сделала глубокий вдох, чтобы сдержать бушующие в ее душе эмоции.

— Я исполнила свой долг, сказав тебе о своей беременности. Тест на отцовство, проведенный после рождения ребенка, подтвердит, что я говорю правду. Ты будешь чувствовать себя мерзавцем, когда я брошу тебе в лицо доказательства.

Разговор прошел как нельзя хуже. Лайле безумно хотелось плакать, но она высоко подняла голову, чтобы уйти с достоинством.

Она тихо закрыла за собой дверь, жалея, что не может так же легко закрыть свое сердце для Карлоса Медины.

* * *

Щелчок двери отозвался эхом в голове у Карлоса. Он пристально смотрел на то место, где только что стояла Лайла. Она казалась такой уверенной. Все то время, что он ее знал, она была искренней и порядочной женщиной.

Что, если...

Что, если врачи ошиблись и он все-таки может иметь детей? Эта мысль так сильно его потрясла, что ему пришлось прислониться к столу, чтобы не потерять равновесие. Его ладони вспотели, и он вытер их о свои зеленые брюки.

У него было довольно много романов, но он не позволял ни одной из своих женщин отвлекать его от работы. С Лайлой в этом не было необходимости. Его восхищало то, с каким упорством она отстаивала интересы больницы, спорила с политиками, когда речь шла о правах пациентов, искала спонсоров. У нее острый ум, и она мастерски им пользуется в своей работе.

Использует ли она свои профессиональные качества против него, если решит, что так будет лучше для ее ребенка?

Отец учил Карлоса и двух его братьев не доверять никому. Он говорил, что у каждого есть своя цена, включая его кузена, который продал мятежникам план побега семьи Медина. В результате королева Беатрис погибла, а Карлос в подростковом возрасте перенес целый ряд сложных операций, чтобы восстановиться после огнестрельных ранений. То, что он смог ходить, врачи посчитали настоящим чудом. Они говорили, что он должен радоваться такому исходу, несмотря на то что никогда не сможет иметь детей.

Может ли он доверять Лайле? В той же степени, что и всем остальным. Это означает, что почти нет.

Боже упаси, если пресса узнает об их с Лайлой отношениях и о ее беременности. Поэтому ему нужно предоставить Лайле конкретные доказательства того, что он не может быть отцом ее

ребенка.

Для начала он должен договориться с лабораторией насчет анализа семенной жидкости. Ему неприятно вмешательство в его частную жизнь, но другого выхода у него нет. Результаты анализа раз и навсегда поставят точку в этом вопросе.

Досадное «что, если» снова промелькнуло в его голове. Что, если произошло еще одно чудо и Лайла действительно забеременела от него? На всякий случай ему следует держать ее поближе к себе до тех пор, пока у ее будущего ребенка нельзя взять анализ ДНК.

Если она действительно носит под сердцем его наследника, ничто не заставит его отказаться от этого малыша.

Внезапно почувствовав усталость, Лайла прислонилась спиной к закрытой двери. К счастью, в приемной Карлоса было пусто. Но ничто не указывало на то, как скоро Ванда, его секретарь, вернется на свое рабочее место. На экране ее компьютера была заставка в виде фотографии, изображающей ее двенадцать улыбающихся внуков в зоопарке города Дефайанс, штат Огайо.

Лайла крепко зажмурилась. Возмутительные слова Карлоса все еще звенели у нее в ушах. Ее мутило. Она уже несколько недель страдала от утренней тошноты. Сейчас вечер, но из-за переживаний тошнота снова подкатила к горлу. Она прижала ладонь к своему почти плоскому животу. На столь раннем сроке беременность едва заметна, но она чувствует изменения, происходящие в ее организме. Ее грудь налилась и стала еще более чувствительной. Обоняние обострилось, а по ночам ее стало тянуть на маринованные артишоки, которые она прежде терпеть не могла. Несмотря на сложную ситуацию, она любит своего ребенка, да так сильно, что порой ее это удивляет.

Один локон упал ей на щеку, и она только сейчас осознала, что Карлос распустил ей волосы, когда они целовались в его кабинете. При воспоминании об этом поцелуе ее соски предательски заныли.

Черт побери, ей нужно мыслить здраво, а не позволять гормонам ею управлять. Карлос уверен, что бесплоден, а у нее нет ничего, кроме честного слова, чтобы убедить его в том, что это его ребенок. Ей хотелось думать, что четыре года их дружбы заставят его ей поверить, но, видимо, этого оказалось для него недостаточно. Впрочем, последние два с половиной месяца говорят о том, что их дружба была не так крепка, как ей казалось. Раз ей пришлось вылавливать его в душевой, чтобы с ним поговорить...

Она глубоко вдохнула, чтобы взять под контроль свои эмоции. Ей нужно успокоиться и подождать. Время покажет, что Карлос — отец ее ребенка.

Довольная тем, что приняла верное решение, Лайла сделала шаг вперед. В этот момент дверь, ведущая в коридор, начала открываться. Чтобы Ванда ничего не заподозрила, она быстро вытащила из волос оставшиеся шпильки и убрала в карман. В больнице Лайлу не без оснований называли Железной Леди, и она хотела, чтобы так оставалось и впредь.

Дверь открылась шире, и вместо Ванды Лайла увидела в проеме Нэнси Уолкотт, нового рентгенолога. На лацкане ее халата, как всегда, красовалась брошка в виде трилистника. Нэнси говорила, что носит эту безделушку, чтобы маленькие пациенты чувствовали себя в ее присутствии непринужденно. Должно быть, она пришла, чтобы сообщить Карлосу о состоянии ребенка, которого он сегодня оперировал.

— Привет, Нэнси. — К счастью, ее голос не дрожал. — Я только что вышла от доктора Медины. Уверена, он будет рад узнать о состоянии афганской девочки.

— Вообще-то я пришла сюда не по этому вопросу. — Высокая худая брюнетка нерешительно улыбнулась и поправила брошку. — Я по личному делу.

Лайлу охватила тревога.

— По личному?

— Мы договорились встретиться и пойти вместе ужинать. Рабочее время уже закончилось, так что мы имеем на это полное право. — Она сняла халат и повесила его на руку.

Лайле не нравилось направление их разговора. Ей следовало это предвидеть. У Карлоса было достаточно романов еще до того, как все узнали, что он принц Медина. Ведь он состоятельный и привлекательный мужчина. Теперь, когда правда о его королевском происхождении вышла наружу, женщины не дают ему прохода.

Лайла стала подыскивать подходящие слова, чтобы поскорее отсюда уйти:

— Никто не сомневается в вашей преданности нашему общему делу. Я знаю, как много вы работали сверхурочно, когда мы нуждались в вашей помощи. А теперь прошу меня извинить...

Девушка задержала Лайлу, коснувшись ее руки:

— Мне следует все вам объяснить. Мы с Карлосом... то есть с доктором Мединой, встречаемся последние несколько недель. Уверяю вас, мы ведем себя очень осторожно. — Она немного подвинула одну из рамок на столе Ванды. — Он терпеть не может назойливых журналистов, поэтому мы ждем подходящего момента для пресс-релиза.

Новость Нэнси Уолкотт сразила Лайлу наповал. Разумеется, Карлос ничего ей об этом не говорил. Неужели его отношения с Нэнси настолько серьезны, что необходимо сообщать о них прессе?

Она тяжело сглотнула:

— Я ничего об этом не слышала.

— Мы не хотели привлекать к себе внимание. Я знаю, что до сих пор у Карлоса не было продолжительных отношений, но, возможно, на этот раз все будет по-другому. — Нэнси нервно рассмеялась. Видимо, она не догадывалась, что выглядит неискренней в выражении своих чувств. — Возможно, раньше он был более скрытным, потому что ему приходилось молчать о своем происхождении, но теперь, когда о нем стало известно, он волен встречаться с кем хочет.

Лайле хотелось презирать Нэнси так же, как и остальных поклонниц принца Медины, появившихся из ниоткуда. Найти недостатки в той, кому удалось больше заинтересовать Карлоса, чем ей. Но Нэнси перед ней ни в чем не виновата. Она не знает о той ночи, которую они с Карлосом провели вместе. Кроме того, из всех незамужних сотрудниц Нэнси меньше всех походит на охотницу за деньгами. Как администратор больницы, Лайла имеет небольшое досье на каждого из сотрудников. Нэнси Уолкотт просто впечатлительная девушка, которая влюбилась в привлекательного коллегу, обратившего на нее внимание. Разве можно ее за это винить?

Что, если Нэнси тоже ждет ребенка от Карлоса?

Напуганная этой мыслью, Лайла снова сосредоточилась на откровениях брюнетки.

— Я знаю, что, возможно, спешу с выводами, но Карлос мне так нравится. Он такой задумчивый и немногословный. Мне безумно хочется заглянуть к нему в душу.

Прижав ладонь к груди, Нэнси немного похлопала глазами, затем закрыла их и томно вздохнула.

Лайле хотелось развеять ее иллюзии, касающиеся Карлоса Медины. Даже когда в прошлом он встречался с другими женщинами, она видела, что он держит некоторую эмоциональную дистанцию. После того как стало известно о его происхождении, ничего не изменилось.

Лайлу несколько это не удивляло. Она прекрасно знала, что в жизни отношения между мужчиной и женщиной не бывают такими красивыми, как в романах. Она видела собственными глазами, как быстро прошла любовь ее родителей. Как легко может женщина превратиться в жалкое апатичное существо с умоляющими, как у побитой собаки, глазами.

Ее отец, работающий агентом в Голливуде, уже много лет пользуется своим служебным положением, чтобы соблазнять амбициозных старлеток. Мать Лайлы делает все возможное, чтобы не замечать его измен, которые никак не вписываются в ее картину счастливого брака с богатым и красивым мужчиной ее мечты. Иногда его очередная пассия, не получившая обещанных им контрактов, разозлившись, приходит к ней и открывает ей глаза.

За этим обычно следует ссора с бранью и слезами. В знак примирения отец предлагает матери ювелирное украшение или романтическое путешествие, она его прощает, и все начинается заново. В комнате Лайлы в их доме есть комод, набитый футболками, которые они привезли ей из разных уголков земного шара. Сейчас ее родители отправились в свой очередной примирительный круиз. Когда они из него вернутся, ей придется сказать им о ребенке.

И о Карлосе?

Слушая рассказ Нэнси о том, как они с Карлосом недавно ходили на симфонический концерт, Лайла была вынуждена признать, что эта девушка не преувеличивает. Кажется, у них и вправду все довольно серьезно. Ее, Лайлу, он никогда не приглашал на свидания. Впрочем, она об этом и не мечтала. Но, черт возьми, они спали вместе, а до этого были друзьями. Определенно она заслужила лучшего отношения к себе, нежели то, которое он продемонстрировал ей в своем кабинете несколько минут назад.

Нэнси осторожно посмотрела на дверь.

— Надеюсь, ваша стычка не испортила ему настроение.

Внутри у Лайлы все замерло. Нэнси не может знать о ребенке. А может, кто-то стоял за дверью и подслушивал? Ванда?

Когда Лайла наконец взяла себя в руки и посмотрела в лицо девушки, она увидела на нем только любопытство. Никакого потрясения, возмущения или злости. Ничто не указывало на то, что она знает, что у другой женщины будет ребенок от ее бойфренда.

— Полагаю, вы имеете в виду инцидент в мужской раздевалке?

— Простите, — сказала Нэнси, теребя пуговицу халата. — Мне не следовало ничего вам говорить. Я не хотела показаться сплетницей.

Лайла преградила ей путь к выходу:

— Мне правда интересно, откуда вы так быстро об этом узнали. Прошу вас, будьте со мной откровенны.

Нэнси поморщилась:

— Слышала в кафетерии. Люди гадают, чем он вас так разозлил. Некоторые даже заключают пари.

— И в чем заключаются их предположения?

Закусив губу, Нэнси немного помедлила, прежде чем осторожно продолжить:

— Большинство думает, что вы расстроились, потому что он пропустил собрание членов правления на этой неделе. Другие полагают, что вы злитесь на него за то, что он делает слишком много бесплатных операций. Лично я склоняюсь ко второму варианту. За его суровой внешностью прячется доброе сердце.

Лайла так сильно сжала шпильки у себя в кармане, что они чудом не проткнули кожу ее пальцев.

— Надеюсь, вы не поставили на него деньги, иначе потеряете их.

Кажется, уже вся больница знает о ее сегодняшней выходке. Мысль о том, что совсем скоро ее личная жизнь станет темой номер один для сплетен в кафетерии, приводила ее в ужас. Ради спокойствия и безопасности своего ребенка ей придется быть очень осторожной. Ей впервые пришло в голову, что в его жилах будет течь королевская кровь и ему придется всю жизнь прятаться от прессы.

Лайлу охватила паника. Она поняла, что не сможет спокойно сидеть и ждать. Ее реакция на подружку Карлоса говорит о том, что она слишком привязана к нему эмоционально.

Ей нужно продолжать бороться. Нельзя допускать, чтобы Карлос обидел ее ребенка. Она не допустит, чтобы он своим пренебрежением причинил малышу боль.

Раздался щелчок поворачивающейся дверной ручки, и мгновение спустя проем заполнила широкоплечая фигура Карлоса. В его темных глазах читалось любопытство.

Лайлу охватили гнев, разочарование и боль, но она сдержала их внутри себя, вместо того чтобы выпустить пар. Для одного дня и так уже достаточно эмоциональных всплесков. Она не собирается показывать Карлосу, как глубоко он ее ранил.

Перебросив через плечо волосы, которые он растрепал во время их поцелуя, она сказала:

— Еще раз привет, доктор Медина. Мы с твоей новой подругой как раз говорили о тебе.

Глава 3

Этот день когда-нибудь кончится? Карлос перевел взгляд с одной женщины на другую. Как много Лайла успела сказать Нэнси до его прихода? Очевидно, совсем немного, поскольку та

выглядит абсолютно спокойной. Нэнси Уолкотт приятная девушка, которую он несколько раз приглашал на свидание, пытаясь выбросить из головы Лайлу.

Нэнси воплощает в себе все то, что ему нравится в женщинах. Она красива и умна. У нее есть чувство юмора. У них есть общие интересы. Она не лезет к нему в душу. Все это делает Нэнси идеальной партнершей для него, вот только она оставляет его равнодушным. К сожалению, присутствие Нэнси напомнило ему о том, как хорошо ему было с Лайлой. Как меркнут другие женщины рядом с ней.

Он собирался порвать с Нэнси сегодня. Решение было принято еще пару дней назад. Продолжать встречаться с Нэнси, когда у него есть нерешенные проблемы с Лайлой, было бы неправильно. Жаль, что он не поговорил с Нэнси вчера.

Рентгенолог перевела взгляд с Карлоса на Лайлу, затем снова на него. Ее лицо выражало смущение.

— Если вам нужно обсудить дела, не буду мешать. Мы можем пойти ужинать позже.

Карлос кивнул:

— Да, так будет лучше.

— Хорошо. — Она встала на цыпочки, словно собираясь его поцеловать, но помедлила. Либо она поняла, что подобные проявления симпатии на работе неуместны, либо заметила, как Карлос нахмурился. В любом случае она правильно сделала, отстранившись.

Поймав удивленный взгляд Лайлы, он сказал:

— После того как я загляну к пациентке, которую сегодня прооперировал, мне нужно будет сходить в одно место.

Он уже связался со своим врачом и договорился с лабораторией насчет анализа семенной жидкости. Он знает, каким будет результат анализа, но ему нужно предоставить доказательства Лайле, чтобы решить этот вопрос раз и навсегда.

Но что, если врачи ошиблись и он все-таки может иметь детей? В таком случае ему придется срочно поменять тактику и начать завоевывать расположение Лайлы.

Он посмотрел на ее растрепанные волосы и вспомнил, какие они мягкие и шелковистые на ощупь. В паху у него тут же все напряглось.

— Мы поговорим завтра, — сказал он.

Покинув больничную лабораторию, Карлос пошел назад в свой кабинет. Он двигался как в тумане. У него был трудный день. Большую его часть он оперировал девочку, чьи травмы походили на те, что получил он во время мятежа на Сан-Ринальдо. Не успел он перевести дух, как в его душевую кабинку влетела Лайла и огорошила его своей новостью. Несколько минут назад он испытал еще одно потрясение. Его доктор сказал ему, что есть небольшая вероятность того, что он может быть отцом.

Сейчас ему нужно немного побыть одному и решить, что делать дальше.

Он завернул за угол. Нэнси ждала его у двери. В руках она держала мобильный телефон и

набирала текстовое сообщение. Пока он занимался своими делами, она сменила блузку и юбку на шелковое платье. Но ему некогда вести ее в ресторан и ждать подходящего момента для того, чтобы сообщить ей, что они должны расстаться. Так будет справедливо по отношению к Нэнси и к Лайле.

— Нэнси, прости, что заставил тебя ждать.

— Не нужно извиняться. — Она убрала телефон в крошечную черную сумочку. — Я просто сообщала своей лучшей подруге о нашем сегодняшнем свидании.

Карлос поморщился:

— Э-э... прости, но наше свидание придется отменить. — Он открыл дверь своего кабинета. — Пойдем поговорим.

— Да, я понимаю, что сейчас уже поздно. Давай перенесем наше свидание на завтрашний вечер. Если хочешь, я сама могу приготовить для тебя ужин...

— Нэнси, — мягко перебил ее он, — боюсь, что ты неправильно меня поняла. Нам нужно серьезно поговорить.

Она закусила губу, затем притворно улыбнулась и вошла в кабинет. Карлос чувствовал себя ужасно. Он ввел в заблуждение эту славную девушку и запутался сам. Он не может изменить прошлое, но может с этого момента начать все делать правильно.

Следуя за Нэнси, он решил, что больше не будет терять время и уклоняться от проблем. Прямо сейчас он расставит все точки над «i» в отношениях с Нэнси, а сразу после этого отправится домой к Лайле и сообщит ей результаты лабораторного теста.

Открыв дверь своего пентхауса, Лайла пожалела о том, что перед этим не посмотрела в глазок. Почему привратник не сообщил, что к ней поднимается Карлос? Даже королевским особам не следует позволять входить в ее дом без разрешения.

Разумеется, она не прогнала бы Карлоса, но ей не помешала бы минута, за которую она смогла бы собраться с духом перед встречей с ним.

Он стоял в коридоре, окутанный светом галогеновых ламп. Его волосы были мокрыми от дождя, серебристые пряди на висках поблескивали. На нем был расстегнутый длинный тренч, серый костюм, белая рубашка и красный галстук. Он уже бывал у нее в гостях, но обязательно вместе с кем-то. Сегодня он пришел один.

Она крепче вцепилась в медную дверную ручку:

— Кажется, ты собирался поговорить со мной завтра.

— Я закончил свои дела быстрее, чем ожидал. — Прижав ладонь к дверному косяку, он заглянул внутрь ее квартиры. — Впусти меня.

В пижамных брюках и зеленом топе Лайла рядом с ним чувствовала себя недостаточно одетой.

— Думаю, было бы более вежливо спросить разрешения, а не командовать.

— Не придирайся к словам. Нам нужно обсудить важное дело.

Конечно, он прав. Она просто разозлилась на него за то, что он застал ее врасплох, самостоятельно выбрав время и место их встречи.

— В таком случае заходи, но разговор наш будет недолгим. У меня был тяжелый день. Я устала.

Чтобы избежать случайного контакта с ним, Лайла прижалась спиной к стене. Прихрамывая, он вошел в ее квартиру с побеленными кирпичными стенами, полом из твердой древесины и потолком с выступающими балками. Из окон во всю ширину стены открывалась панорама Такомы на фоне окутанной туманом горы.

Сняв тренч, Карлос встал рядом с диваном цвета красного вина:

— Что касается Нэнси...

Лайла махнула рукой:

— Мне все равно, с кем ты встречаешься. — Возможно, если она будет почаще это говорить, то сама в это поверит. — Твоя личная жизнь меня не касается. Мы никогда не были парой. Нам с тобой не о чем разговаривать, кроме работы, до тех пор, пока не будет проведен тест на отцовство.

— Мы с Нэнси тоже никогда не были парой, — упрямо продолжил он, несмотря на ее слова. — У нас было всего несколько свиданий, и я принял решение порвать с ней еще до сегодняшнего дня.

— Как удобно, но к делу это все равно не относится. — Лайла босиком подошла к нему. — Если это все, что ты хотел мне сказать, разговор окончен.

Она указала ему на дверь. Бросив свой тренч на спинку полосатого стула, он молча схватил ее за запястье, затем прижал ее ладонь к своей груди. Его потемневшие глаза пристально уставились на ее губы. Сердце подпрыгнуло у нее в груди.

— Даже не думай об этом, Карлос, — предупредила она его, но он не отстранился. — У меня пропало всякое желание с тобой целоваться, когда ты отказался поверить, что ребенок, которого я жду, твой.

— Я пришел сюда, чтобы сообщить тебе, что не исключаю возможности того, что он мой, — ответил он, нежно водя большим пальцем по ее запястью.

На несколько секунд его близость опьянила ее, но затем она поняла причину его неожиданного визита. Придвинувшись ближе, она сексуально прошептала:

— Сделал анализ семенной жидкости? Быстро, однако.

Его губы дернулись.

— Хорошо, когда есть нужные связи.

Ее подозрения подтвердились, но легче ей от этого не стало. Он здесь не потому, что поверил ей. Он получил доказательство того, что может иметь детей.

— Как тебе повезло. — Отстранившись от него, Лайла обхватила себя руками и подошла к окну. — Должно быть, для тебя было сильным потрясением узнать, что у тебя есть подвижные

сперматозоиды.

— Как мило, что тебя волнует мое мужское здоровье, — усмехнулся он.

— В этой ситуации нет ничего смешного. Особенно твои сомнения в моей честности. — Она бросила на него взгляд через плечо. — Ты поставил в известность свою подружку?

Черт побери, зачем она снова упомянула о Нэнси? Карлос не должен подумать, что она его ревнует. Она отвернулась, прежде чем он успел прочесть эмоции на ее лице.

У нее за спиной слышались его неровные шаги.

— Я уже говорил тебе. — Он убрал ей за ухо прядь волос. — Я уже говорил, что порвал с ней.

По ее телу пробежала дрожь. Его умелые руки способны превратить любой участок ее кожи в эрогенную зону.

— Ей следует знать, что ты можешь...

Аромат его одеколона, смешанный с запахом морского воздуха, будоражил ее чувства. Чтобы не потерять равновесие, она прижала ладонь к прохладному стеклу.

Положив руки ей на плечи, он развернул ее к себе лицом:

— Ей не нужно ничего знать.

Означает ли это, что они с Нэнси не спали вместе, или с ней он был более осторожным? Лайла пыталась убедить себя, что ответ совсем для нее не важен, но это было тщетно. В его присутствии комната словно уменьшилась в размерах, а ее кожа под его взглядом горела. Еще немного, и она забудет, что прежде всего должна думать о ребенке.

— Что тебе сказал врач?

Его ладони скользнули вниз по ее рукам, после чего он засунул их в карманы брюк.

— Если хочешь, я могу представить тебе подробное заключение с терминологией и подсчетами.

— Боже упаси. Меня интересует только результат.

Он тяжело сглотнул:

— Вероятность того, что у меня могут быть дети, мала, но все же она есть.

Его лицо оставалось бесстрастным, но движение кадыка выдавало его эмоции. Против своей воли Лайла испытывала к нему сочувствие. Должно быть, сегодняшний день стал для него шокирующим во многих отношениях. Конечно, это не оправдывает его поведения в последнее время. Но все же после того, как он сам к ней пришел, обида и разочарование начали ослабевать. Теперь они наконец могут поговорить о будущем их ребенка.

Лайла задумчиво пожевала губу:

— Я понимаю, для тебя это, должно быть, стало большим потрясением...

— Мои чувства не имеют значения, — произнес он с каменным лицом. — Я разговаривал со знакомым гинекологом. Где-то на двенадцатой — четырнадцатой неделе твоей беременности мы можем сдать на анализ образец наружной зародышевой оболочки, чтобы узнать, являюсь ли я отцом этого ребенка.

Ранний тест на отцовство? Он все еще в ней сомневается? Ее охватил гнев, и она, выпрямив спину, заявила:

— Прекрасно. Ты сказал все, для чего пришел?

— На самом деле я еще не закончил.

— Это твои проблемы. Для одного дня твоего общества с меня более чем достаточно.

— Да, сегодняшний день выдался непростым для нас обоих. Но вне зависимости от результатов теста, мы будем продолжать общаться. Полагаю, ты в ближайшее время не собираешься менять работу. Лично я — нет.

— Я была права, назвав тебя мерзавцем. Ты такой с конца декабря. — Она ткнула указательным пальцем в его грудь. — Другие люди — например, Нэнси, — возможно, и готовы мириться с твоим ужасным характером, потому что ты был легендой нашей больницы еще до того, как стало известно о твоём происхождении, но я не намерена... Это тебя никак не оправдывает.

— Ты абсолютно права. — Его суровые черты преобразила улыбка. Она так давно не видела его улыбающимся.

Лайла опустила руку:

— Прошу прощения?

— Ты прекрасно меня слышала. — Он снова поправил ей волосы и убрал руку, прежде чем она смогла возразить. — Ты права. Я действительно вел себя как самый настоящий мерзавец.

Она опустилась на диван, пытаясь переварить очередной его сюрприз:

— Что заставило тебя прийти к такому выводу?

Сев на стул напротив дивана, он наклонился вперед:

— Я сделал его после того, как увидел вас с Нэнси вместе. Мне следовало поставить точку в наших с тобой отношениях после той ночи, а не избегать тебя, встречаясь с другой женщиной.

Изумленная, Лайла прикусила язык, боясь, что, если заговорит, он перестанет откровенничать.

— Я все еще придерживаюсь того мнения, которое выразил после нашей близости. — Он пристально посмотрел на нее. Его сомкнутые руки были так близко от ее ног, что если она пошевелится, то заденет их. — Мне не следовало допускать, чтобы между нами все зашло так далеко, но мне также не следовало предполагать, что все будет как прежде.

Лайла не стала упоминать, что его последние два с лишним месяца вряд ли можно назвать возвращением к привычной жизни. Он работал больше обычного и избегал ее под предлогом своей занятости. Но для свиданий с Нэнси Уолкотт время он, очевидно, находил.

«Опять ревность?»

— Куда ты клонишь?

— До теста у нас есть примерно неделя. Предлагаю провести ее с максимальной пользой.

У Лайлы возникло подозрение. После поцелуя в его кабинете он предлагает ей снова стать его любовницей? Несколько недель назад она, возможно, поддалась бы искушению, но сейчас, когда знает о своей беременности, должна быть более осмотрительной.

— В каком смысле?

— Давай устроим себе недельные каникулы. Покинем штат и будем отдыхать двадцать четыре часа в сутки.

Она никак не ожидала услышать от него такое. До этого Карлос никогда не брал отпуск. Его предложение оставить на неделю работу удивило ее. Она даже подумала, что он шутит. Ее собственный график расписан по часам, но она должна отложить все дела. Ведь речь идет о будущем их ребенка. Она знает, каким будет результат теста на отцовство.

Это ее единственный шанс разобраться в своих отношениях с Карлосом. Единственный шанс защитить свое сердце на все те годы, что они будут работать бок о бок.

— Уехать на неделю? — спросила она, все еще не веря услышанному. — Только ты и я?

— Да, я сказал именно это. — Карлос отрывисто кивнул, и прядь волос упала ему на лоб. Он так много работает, что ему даже некогда сходить к парикмахеру.

— А как же твои пациенты? Как же та девочка, которую ты полдня оперировал?

— Я, как хирург, сделал для нее все, что мог. Что же касается остальных пациентов, у нас есть отличные врачи, которые могут им помочь.

Одному лишь Богу известно, как часто другие доктора просили его заменить их в выходные и праздники, чтобы провести это время со своими семьями. Они перед ним в долгу.

Все же ей не верилось, что он может вот так все оставить и уехать. Должно быть, здесь есть какой-то подвох.

— Куда мы поедем?

— Как насчет Колорадо? У моей семьи там дом.

Лайлу охватила тревога.

— Кто в нем живет?

— Никто. Это место для отдыха. Сейчас дом пустой и целиком в нашем распоряжении.

Она пока была не готова знакомиться с его родственниками, но провести неделю наедине с бывшим любовником тоже не очень хорошая идея. Затем она вспомнила о крошечном существе, растущем внутри нее, и поняла, что у нее нет выбора. Ради своего малыша она сделает все что угодно. Даже проведет семь дней с его отцом.

Сев в свой внедорожник, припаркованный у дома Лайлы, Карлос захлопнул дверцу и положил руку на руль. Впереди, окутанный дымкой, простирался залив Пьюджет-Саунд. Карлос любовался пейзажем через тонированное стекло. Плеск волн действовал на него успокаивающе.

Морское побережье всегда привлекало как его самого, так и его братьев. Оно напоминало им об острове Сан-Ринальдо, на котором они родились. Дуарте, его средний брат, оставив отцовский дом, создал сеть фешенебельных отелей и поселился в одном из них на острове Мартас-Виньярд у юго-восточного побережья штата Массачусетс. Антонио, самого младшего из семьи Медина, привлек более мягкий климат Галвестона, где он преуспел в области грузоперевозок. Даже их сводная сестра Элоиза провела большую часть своей жизни в городе Пенсакола во Флориде, перед тем как поселиться вместе с мужем на острове Хилтон-Хед в штате Южная Каролина.

Карлос пришел к выводу, что их тяга к морю обусловлена генетически. Ведь многие поколения их предков жили на острове неподалеку от Испании. При мысли об утраченной родине кровь забурлила в его жилах. Такое же сильное чувство он испытал в ту ночь, которую провел с Лайлой. Последние несколько месяцев он боролся с искушением раствориться в ней снова. Даже попытался ее забыть, начав встречаться с другой женщиной.

Сегодняшние события доказали, что у него ничего не вышло. Теперь у него есть целых семь дней для того, чтобы наладить отношения с Лайлой и решить, какой будет его дальнейшая жизнь. Если она сказала правду, он привяжет ее к себе и они будут вместе воспитывать их ребенка. Если солгала, он выбросит ее из головы.

Чтобы достичь своей цели, ему нужно увезти ее в уединенное место, чтобы не отвлекаться на работу и не бояться вмешательства прессы.

Достав из внутреннего кармана пиджака мобильный телефон, Карлос набрал номер Дуарте. Тот ответил после второго звонка:

— Я тебя слушаю, брат.

Карлос не стал извиняться за поздний звонок, несмотря на то что в Массачусетсе уже глубокая ночь. Они с братьями общаются не каждый день, но, когда нужно, всегда друг другу помогают, бросая свои дела.

— Я просто хочу осведомиться о здоровье отца. — Энрике Медина страдал от печеночной недостаточности, вызванной перенесенным много лет назад гепатитом. — Как он?

— Держится. Он крепкий. Его воля к жизни вселяет в меня надежду.

Как медик, Карлос знал, что шансы их отца на выздоровление невелики, поэтому предпочел сменить тему:

— Возможно, я приеду на несколько дней.

— Сообщи когда, и мы с Кейт тоже там будем.

Карлос услышал на том конце линии шорохи и сонный женский голос. Дуарте обручился с журналисткой, что весьма удивительно, учитывая его нелюбовь к представителям прессы. Но его брат по-настоящему влюбился. Карлос понял это, когда пару месяцев назад увидел их с Кейт на свадьбе Антонио.

Обычно он искал предлог, чтобы не ехать туда, где поселились Медина после своего побега с Сан-Ринальдо. С отцовским домом на острове у побережья Флориды у него было связано много неприятных воспоминаний. Специально для него отец оборудовал там центр физической реабилитации, где он провел большую часть своей юности. В те дни его единственными друзьями были братья. Из-за многочисленных операций и восстановительных процедур ему не хватило времени для того, чтобы научиться строить отношения с людьми.

Он перевел взгляд с линии горизонта на кирпичный дом, имеющий историческую ценность.

— Возможно, я возьму с собой кое-кого.

— Не хочешь поделиться подробностями?

— Пока нет.

Карлос посмотрел на десятый этаж и был готов поклясться, что увидел на секунду в одном из окон силуэт Лайлы, прежде чем она выключила свет. Готовится ко сну? Он представил себе, как снимает с нее одежду, как опускает Лайлу на матрас, как ложится поверх нее... Внезапно ему очень захотелось оказаться отцом ребенка, которого она ждет. Он решил, что готов к переменам в своем упорядоченном мире.

— Мы с ней собираемся провести вместе следующие несколько дней. Заодно я проверю, как обстоят дела в паре отцовских домов.

Энрике Медина владел недвижимостью в разных уголках страны и даже за ее пределами. Он покупал все эти дома не только ради выгодного вложения средств, но и для того, чтобы еще больше запутать людей, которые хотели узнать местонахождение свергнутого короля.

Энрике уже поделил часть своей собственности между сыновьями. Карлос не нуждался в отцовском имуществе, но заботился о нем, поскольку арендная плата, которую он получал, давала ему возможность перечислять дополнительные средства на благотворительность. Благодаря этим деньгам теперь большему числу детей делаются необходимые операции, и они могут наслаждаться юностью так, как не смог он.

Однако он не собирался жалеть себя и оплакивать все то, что потерял. Он предпочитает двигаться вперед и управлять своим будущим. Обычно ему это удается, но сегодня будущее вышло из-под его контроля.

Да поможет Бог Лайле, если она ему солгала.

Да поможет Бог ему, если она сказала правду. Потому что в этом случае ему придется попрощаться со своим одиночеством, с помощью которого он отгораживался от прошлого.

— Дуарте, я с тобой свяжусь. Спокойной ночи, брат.

Разорвав соединение, Карлос посмотрел на темные окна пентхауса Лайлы. Сегодня она легла спать одна, но так будет недолго. Уже завтра по дороге в дом своей семьи в Вейле он начнет возвращать ее расположение. Если повезет, несколько вечеров у камина заставят ее сменить гнев на милость и прогонят тоску, которая поселилась в его душе в то утро, когда Лайла покинула его постель.

Глава 4

Лайла носилась по квартире как угорелая с той минуты, как утром поднялась с постели. Она сделала множество звонков, чтобы освободиться от работы на предстоящую неделю. Разговаривая по телефону, она одевалась и собирала вещи для недельного отпуска с Карлосом.

Сейчас она ехала в аэропорт на его лимузине, вцепившись в края кожаного сиденья. Сквозь люк в крыше, покрытый замысловатым узором из растекающихся капель дождя, было видно серое небо. Лайле все еще с трудом верилось, что она поддержала импульсивную идею человека, который обычно все просчитывает до мелочей. Бросить внезапно все дела и отправиться в отпуск так на него не похоже. Возможно, именно поэтому она и согласилась. Должно быть, он растерян не меньше, чем она, раз предложил такой план.

Впрочем, Карлос совсем не выглядел растерянным. Одетый в джинсы и черный свитер грубой вязки, он сосредоточенно просматривал электронную почту на экране мобильного телефона. Он препоручил своих юных пациентов другому врачу, но не перестал о них беспокоиться. Его брови были слегка сдвинуты, темные глаза становились задумчивыми, когда он их поднимал и смотрел в окно.

Только его преданность пациентам удерживала Лайлу от того, чтобы не постучать в окошко за спиной водителя и не попросить его отвезти ее домой.

Сейчас Карлос осведомлялся о состоянии афганской девочки, которую оперировал накануне. Просторный салон лимузина наполнял звук его низкого рокочущего голоса с еле уловимым испанским акцентом.

Несмотря на работающую печку, Лайла никак не могла согреться. Ей безумно хотелось прижаться к мужчине, сидящему рядом с ней. Внезапно платье из кашемира начало причинять дискомфорт ее сверхчувствительной коже. Она почесала сзади шею и просунула ладонь под скрытую молнию.

Прикрепив телефон к поясу джинсов, Карлос переключил свое внимание на нее:

— Полагаю, в твоем положении тебе можно путешествовать? Вчера вечером я об этом даже не подумал, хотя следовало бы. Приношу свои извинения.

Его беспокойство тронуло ее.

— Сегодня утром я разговаривала со своим врачом. Мне можно путешествовать, иначе я никуда бы с тобой не поехала. Я взяла с собой витамины для беременных.

— Не хочешь сока или родниковой воды? — Он указал на серебристый мини-холодильник. — Может, съешь что-нибудь?

— Нет, спасибо. — Ее руки так дрожат, что она вряд ли сможет что-нибудь в них удержать.

— Тебя тошнит по утрам?

— Да, — ответила она. — Это неприятно, но терпимо.

Интересно, он разговаривает с ней сейчас как врач или искренне беспокоится о ней и их будущем ребенке?

— Почему ты начал так внезапно проявлять интерес к моей беременности? Ищешь подтверждение тому, что мой срок меньше или больше, чем я утверждаю? Это истинная цель

нашей поездки? Как врач, ты должен знать, что беременная женщина может путешествовать практически до восьмого месяца.

Он положил руку на спинку ее сиденья. От плеч Лайлы ее отделяло всего несколько дюймов.

— Давай не будем ссориться. Я затеял эту поездку, чтобы мы с тобой пришли к взаимопониманию. Ведь нам предстоит еще долго работать вместе.

Карлос был прав, и от этого ее возмущение только усилилось.

— Как ты можешь так спокойно реагировать на мои обвинения? Лично я не умею отделять личные проблемы от работы.

— В таком случае как ты справляешься во время очередного кризиса в больнице? — тут же спросил он.

— Это совсем другое дело. Это уникальный момент в жизни. Жизнь не один сплошной кризис.

— Ну раз ты так говоришь...

Неужели он считает, что ее беременность — это тоже кризис, а эта поездка не что иное, как попытка минимизировать негативные последствия?

— Ты когда-нибудь расслабляешься? Опускаешь барьеры, которыми себя окружил?

Карлос улыбнулся одним уголком рта, но глаза его остались серьезными.

— Терять бдительность опасно.

— Потому что ты королевского происхождения?

Значит, ее ребенку тоже будет угрожать опасность? Ей захотелось прижаться к его мускулистой руке и почувствовать себя защищенной.

Он потрогал прядь ее волос:

— Ты все-таки помнишь о моих корнях.

— Какие странные вещи ты говоришь.

Наклонив голову набок, Карлос тепло посмотрел на Лайлу:

— Я очень ценю, что ты не изменила своего отношения ко мне после того, как узнала, кто я на самом деле.

Его слова успокоили ее и в то же время породили новые вопросы.

— Ты поэтому стал смотреть на меня по-другому и начал со мной заигрывать на том благотворительном приеме?

Он потер ладонью свой квадратный подбородок, который уже потемнел от щетины.

— Частично. Ты была единственным человеком, который не хотел говорить о Сан-Ринальдо.

Потому что она видела, что люди внезапно начали относиться к нему по-другому. Что их

подобострастие вызывает у него неловкость. По правде говоря, его профессиональные и человеческие качества восхищали ее куда больше, нежели его происхождение и богатство.

То, что он предпочитал анонимность вниманию прессы, производило на нее еще более сильное впечатление.

— Спасибо тебе, Карлос.

— За что?

— За то, что сказал мне это.

Теперь Лайла окончательно убедилась в том, что поступила правильно, приняв его предложение. Ей нужна эта поездка.

Ей нужен Карлос.

Ее взгляд упал на его твердые, четко очерченные губы, которые однажды так нежно касались ее обнаженной кожи. Она вспомнила, как он впервые ее поцеловал на благотворительном приеме. Они стояли на балконе, а мягкие хлопья снега одевали улицы и крыши сверкающим белым покрывалом. Как только их губы соприкоснулись, по ее венам разлились потоки расплавленной лавы.

Прямо как сейчас.

Было бы так легко прильнуть к нему и снова ощутить их магическую связь. Она не испытывала такого прежде ни с одним мужчиной. Но она отдает себе отчет в том, что отдаться Карлосу снова было бы ошибкой. У них еще столько нерешенных вопросов. Он по-прежнему ей не доверяет, но в его темных глазах вспыхнуло ответное пламя желания.

Дождь барабанил по крыше лимузина, заглушая остальные звуки. Карлос слегка подвинулся и случайно задел бедром ее бедро. Затем он наклонил голову ближе к ней, и она услышала его дыхание. Очевидно, он давал ей понять, что хочет ее поцеловать, но оставляет право выбора за ней. Воздух между ними наэлектризовался, кровь застучала у нее в висках.

Осмелится ли она послать ко всем чертям здравый смысл и предаваться удовольствиям в объятиях Карлоса, пока появление ребенка все не усложнит?

Просторный салон лимузина предлагает множество разных возможностей. Она в платье, поэтому могла бы сесть ему на колени, широко расставив ноги. Или она могла бы откинуться на спинку сиденья и пригласить его лечь поверх нее. Внизу ее живота все заныло от желания, и ей пришлось прижать колени друг к другу, чтобы унять сладкую боль.

Автомобиль замедлил движение и свернул с шоссе. Скоро они прибудут в аэропорт. Ее щеки вспыхнули от смущения, когда она осознала, как близка была к тому, чтобы наброситься на Карлоса. Повернувшись лицом к дверце, она принялась натягивать на колени подол своего синего кашемирового платья.

Сиденье легонько качнулось, и роскошный лимузин остановился. Они прибыли в аэропорт и скоро окажутся вдвоем в салоне частного самолета. Не успела она приказать себе успокоиться, как шофер открыл пассажирскую дверцу. Держа над ее головой зонт, он помог ей выбраться из автомобиля. Она увидела небольшой частный аэропорт — простое одноэтажное здание из красного кирпича, четыре ангара и одну взлетно-посадочную полосу.

У входа в терминал стояла женщина под ярко-красным зонтом. Она махала им рукой.

Лайла споткнулась на ровном месте. Это невозможно!

Она пригляделась, и ее опасения подтвердились. Это была не кто иная, как Нэнси Уолкотт, бывшая подружка Карлоса. По крайней мере, он утверждает, что расстался с ней.

* * *

Вот черт!

Поморщившись, Карлос потер шершавый подбородок. Что делает Нэнси Уолкотт в частном аэропорту? Почему она им машет?

Это было странно. Он вежливо и ясно сказал ей, что больше не хочет с ней встречаться. Она взрослая женщина. Ему показалось, что она его поняла. Да, она выглядела разочарованной и выразила сожаление, но не более.

Он взял у шофера зонт и вместе с Лайлой пошел под ним к терминалу. Ее тихий возглас удивления говорил о том, что она тоже увидела Нэнси и не обрадовалась этому. Более неподходящего момента для встречи его бывшая подружка найти не могла. Все то, чего он достиг во время этой короткой поездки, может пойти коту под хвост. Его тело было все еще напряжено от желания, после того как он фантазировал, чем они с Лайлой могли бы заняться на сиденье лимузина.

Прогнав эти мысли, он сосредоточился на возникшей проблеме. Положив руку Лайле на талию, он повел ее туда, где стояла Нэнси.

— Эй! — позвала та с улыбкой, не переставая махать. — Идите сюда!

Бросив мимолетный взгляд на Лайлу, он обнаружил, что ее губы плотно сжаты, а каблуки сапог стучат быстро и отрывисто. Этот стук говорил о том, что она рассержена. Он слышал его неоднократно, когда она покидала собрание членов правления.

Остановившись рядом с Нэнси, Карлос едва обуздал разочарование, вызванное ее появлением здесь.

Нэнси заулыбалась еще шире:

— Я так рада, что увидела тебя перед твоим отъездом, Карлос.

Лайла молчала, но он не собирался делать то же самое.

— Откуда ты узнала, что я приеду сюда и в котором часу?

— Это ведь не является государственной тайной, правда? Я просто хотела с тобой попрощаться. — Она с любопытством уставилась на Лайлу. Медленно закрыла свой зонт и встряхнула его. — Я не знала, что вы поедете вместе. Вчера ты ничего мне об этом не сказал, Карлос.

Как он только мог неправильно интерпретировать реакцию Нэнси на его слова о том, что им нужно расстаться? Впрочем, он недостаточно хорошо ее знал, когда начинал с ней встречаться.

Что заставило его потянуться к Нэнси вскоре после его ночи с Лайлой? Эти две женщины такие разные. Возможно, именно по этой причине он и выбрал Нэнси.

— Скажу тебе честно, Нэнси, я предпочитаю не распространяться о своих поездках.

— Конечно. — Быстро кивнув, девушка крепче вцепилась в зонтик. — Я просто хочу поговорить с тобой наедине. О том, о чем мы разговаривали в больнице до того, как ты уехал. — Она красноречиво посмотрела на Лайлу.

Та поправила ремешок сумочки и ответила:

— Мне нужно сделать несколько звонков. Прошу меня извинить.

— Нет. Не уходи. — Карлос взял ее за руку, даже не представляя, чего ожидать от непредсказуемой Нэнси. — Прости меня, Нэнси, но нам с тобой больше не о чем говорить. Я все сказал тебе вчера, — произнес он тоном, не терпящим возражений.

Выражение лица Нэнси застыло, став похожим на маску.

— Ты прав. Я прошу прощения за то, что хотела пожелать вам счастливого пути. — Она одарила их обоих ледяной улыбкой. — Удачной командировки.

Красный зонт раскрылся, и с него разлетелись в стороны капли воды. Нэнси быстрым шагом пошла к своему хэтчбэку. Карлос мысленно отругал себя за то, что вчера не был с ней достаточно убедителен. Он не хотел вести себя как бессердечный мерзавец, но она не оставила ему выбора. Ему следовало хорошенько подумать, прежде чем начинать с ней встречаться.

Когда Нэнси села в машину и уехала, Карлос снова повернулся лицом к Лайле. Хмурясь, она стряхивала капли воды со своего пальто и подола платья.

— Сколько еще твоих поклонниц могут нас здесь караулить? — спросила она.

Карлос полез в карман за мобильным телефоном:

— Меня больше беспокоит, как она узнала, что мы здесь.

Когда они сядут в самолет, он свяжется с начальником службы безопасности его семьи и распорядится, чтобы его люди выяснили, как много Нэнси Уолкотт известно о его поездке. Ему безумно хочется снова соблазнить Лайлу, но это может подождать. Ее безопасность превыше всего.

* * *

Под тихое жужжание турбин реактивного самолета Лайла расстегнула пряжку ремня и придвинулась к иллюминатору, чтобы полюбоваться вечерним небом. Точнее, чтобы отвлечься от Карлоса, который спал, прислонившись к откинутой спинке сиденья.

Еще до взлета он позвонил кому-то из службы безопасности, чтобы выяснить, как Нэнси оказалась в аэропорту. Отдав необходимые распоряжения, он прикрепил телефон к поясу и уснул в считанные секунды. Это в порядке вещей. Он привык спать урывками между долгими операциями.

Как вне больничной обстановки он может быть одновременно похож и не похож на человека, с которым она работает вместе уже четыре года?

У Лаймы, конечно, нет миллионов, но она материально обеспечена. Она распоряжается своими финансами с умом, в отличие от своих легкомысленных родителей, которые всегда жили не по средствам. У них то густо, то пусто. Благодаря отцовской работе ей доводилось общаться с богатыми и знаменитыми людьми, но никто из них не обладал тем влиянием, которое есть у семьи Медина. Все же их богатство, роскошные лимузины и частные самолеты ее, в отличие от Нэнси Уолкотт, не привлекают.

Лайла крепче вцепилась в подлокотники. Появление Нэнси в аэропорту напомнило ей о том, как плохо она знает красивого мужчину, спящего в кресле напротив.

* * *

Карлос не верил, что сны бывают только черно-белыми. Его собственные всегда были яркими и отчетливыми. Зачастую их было трудно отличить от реальности. Вероятно, так было потому, что он, сколько себя помнил, всегда спал очень чутко.

В детстве его, как наследника престола, учили всегда быть начеку. Когда он восстанавливался после ранений, полученных в ходе трагических событий на Сан-Ринальдо, боль не позволяла ему погружаться в глубокий сон. Став врачом, он спал урывками, чтобы быть готовым в любую минуту прийти на помощь пациентам.

Сейчас ему мешал крепко уснуть запах Лайлы. Смешанный с хвойным запахом освежителя воздуха в салоне самолета, он перенес Карлоса в один из зимних вечеров.

На соснах за окнами больничного конференц-зала горели гирлянды из крошечных белых лампочек. Карлос неторопливо потягивал минеральную воду. Он позволит себе крепкий напиток, только когда вернется домой по окончании благотворительного приема.

Для большинства людей Рождество — это роскошная трапеза в кругу семьи. Он же предпочитает проводить праздник с бутылкой бурбона, которая притупляет воспоминания.

Но сначала он должен выполнить свои рабочие обязанности.

Он рассеянно оттянул бабочку у себя на шее. Он ненавидит эту чертову штуковину, но его присутствие на официальных мероприятиях обязательно. Спонсоры любят общаться с врачами, которые тратят их деньги на спасение детских жизней.

С тех пор как правда о его происхождении вышла наружу, Карлос стал настоящей знаменитостью. Он бы с радостью отдал все свое наследство, лишь бы ему не нужно было наряжаться в смокинг и любезничать с толстосумами.

После напряженного рабочего дня, за время которого он сделал несколько операций, у него ужасно болит спина. Единственное, что скрашивает ему нескончаемый вечер, — это Лайла. Ее золотисто-каштановые волосы, которые она обычно собирает в тугий узел, сейчас подняты наверх и обрамляют лицо мягкими локонами. На работу она обычно ходит в строгих костюмах и блузках, и он часто представляет себе, как медленно ее раздевает, обнажая все больше участков кремовой кожи.

Сейчас на ней тоже довольно скромный наряд, но он едва сдерживается, чтобы не прикоснуться к ней. Золотистое шелковое платье красиво облегает ее формы. В нем она похожа на древнегреческую богиню. Бусины на корсаже платья переливаются на свету, но

сияние ее глаз и чистой гладкой кожи затмевает все остальное.

Поймав его взгляд, она улыбнулась, извинилась перед своими собеседниками и направилась к нему. Свободный подол платья покачивался при каждом ее грациозном шаге.

Уже четыре года его непреодолимо влечет к Лайле, но до сих пор он справлялся с искушением. Сегодня, когда воспоминания о последнем злополучном Рождестве на Сан-Ринальдо отзывались в его голове эхом выстрелов, убивших его мать, он не нашел в себе сил перед ним устоять...

Глава 5

Телефонный звонок заставил Лайлу вздрогнуть и отвести взгляд от горных вершин вниз. Карлос мгновенно проснулся, выпрямился на сиденье и схватил свой мобильный.

— Я слушаю, — отрывисто бросил он в трубку, приводя спинку кресла в вертикальное положение. За считанные секунды остатки сна рассеялись, и он превратился в серьезного, ответственного человека, которого она знала. Произнеся несколько раз «Хорошо», он сказал: «Держите меня в курсе» — и разорвал соединение. Затем расстегнул ремень безопасности и поднялся, слегка поморщившись.

— Очевидно, Нэнси узнала о моих планах из записки, которую нашла на столе Ванды. Если так, то ей известны только координаты аэропорта.

Лайла задумчиво провела пальцем по краю иллюминатора:

— Какое облегчение узнать, что она не будет поджидать нас в Вейле.

— Мы можем спокойно отправляться туда, как и планировали. — Он посмотрел на часы. — Прости, что так долго спал. Ты, должно быть, проголодалась. Стюард может принести тебе все, что захочешь.

— Как насчет чизбургера с беконом и молочного коктейля с шоколадной стружкой и мятой?

Он потянулся к кнопке внутренней связи:

— Посмотрим, что можно сделать.

Положив руку ему на запястье, Лайла остановила его:

— Я шучу. На самом деле я не голодна. Мне просто нужно вытянуть ноги. Кресла очень удобные, но, когда я долго сижу, у меня начинает болеть спина.

Нахмурившись, Карлос внимательно ее изучал. Его широкие плечи, обтянутые черным свитером, так и манили к ним прикоснуться. Во рту у нее пересохло. Когда взгляд Карлоса упал на ее губы, она, не удержавшись, облизала их. Его кадык дернулся.

Несомненно, между ними существует физическая связь, но вот эмоциональной нет. Пока она будет об этом помнить, она сможет защитить от него свое сердце.

Его ладонь легла на нижнюю часть ее спины, словно проверяя ее решимость. Она начала отодвигаться, но он легонько нажал на место, которое у нее болело. Лайла снова напомнила себе, что физический и эмоциональный контакт — это две разные вещи. Почему она должна отказывать себе в удовольствии, которое ей доставляют его прикосновения?

Его пальцы принялись разминать ее затекшие мышцы. Лайла вздохнула. Если эта сладкая пытка продолжится, она начнет стонать от наслаждения.

— Спина еще болит? — спросил он.

— Немного. — Внезапно Лайла поняла, откуда он знает, что нужно делать, и ей стало не по себе. Карлос постоянно живет с болью и не жалуется. Она немного отодвинулась. — Пустяки. Я могу потерпеть.

Но Карлос не убрал руку с ее спины.

— Тебе нет необходимости терпеть. Я тебе помогу. Не пытайся спорить с доктором.

— Хорошо, не буду, — ответила она. — Скажи, это твой самолет?

— Моя семья владеет контрольным пакетом акций небольшой чартерной компании. Это дает нам возможность летать куда нужно в любое время.

— При этом мало кто знает твой маршрут, — заметила Лайла.

— Да. Конфиденциальность превыше всего. Благодаря тебе в стенах больницы я могу вести нормальную жизнь, но вне их мне нужно соблюдать осторожность.

Это объясняет, почему он так забеспокоился, когда увидел в аэропорту Нэнси.

Ее плечи поднялись и напряглись. Карлос накрыл их ладонями и опустил.

— Так лучше. Просто попытайся расслабиться, — произнес он рядом с ее ухом.

Лайла почувствовала на своей коже его теплое дыхание, и по ее телу пробежала приятная дрожь.

Чтобы отвлечься от ощущений, которые он у нее вызывал, она сказала:

— Значит, у твоей семьи есть собственная служба воздушного такси для богатых и знаменитых.

Карлос надавил большими пальцами на участок между ее лопаток, и по ее телу прокатилась волна удовольствия.

— На самом деле несколько лет назад мой отец внес в работу компании несколько изменений. Теперь самолеты не только используются нами и нашими партнерами, но также предоставляются по требованию специалистам, ведущим поисково-спасательные работы.

— Похоже, твой отец настоящий филантроп. — Такого она совсем не ожидала от монарха, живущего в уединении. — Такой же, как ты.

Его руки остановились на мгновение.

— Ты первая, кто это сказал.

— Как бы ты сам охарактеризовал своего отца?

Бросив на него взгляд, Лайла заметила, как напряглись его черты, прежде чем его лицо снова стало походить на красивую бесстрастную маску.

— Он... очень болен, — ответил Карлос, не глядя на нее.

Лайла попыталась снова повернуться и посмотреть на него, но он начал сильнее нажимать ей на плечи, удерживая ее на месте, при этом не причиняя ей боли. Тогда она уставилась в иллюминатор на облака:

— Мне жаль это слышать. Что с ним?

— У него отказывает печень, — произнес он тоном, лишенным каких-либо эмоций. — После побега с Сан-Ринальдо он жил какое-то время в антисанитарных условиях и подхватил гепатит.

Она читала о государственном перевороте на Сан-Ринальдо, но не знала всех подробностей. Расспрашивать Карлоса она не решилась.

— Должно быть, твоей семье пришлось нелегко. Я даже представить себе не могу насколько.

— Да, это было непростое для нас время, — спокойно ответил он, продолжая разминать ее плечи и руки. Лайла заметила, что его дыхание стало тяжелым. — Нас не было с отцом, когда мятежники напали на дворец. Он боялся, что нас могут схватить вместе с ним, поэтому попытался сделать так, чтобы они последовали за ним.

— Сколько лет тебе тогда было?

— Тринадцать.

Просунув палец под ворот ее платья, он принялся разминать один позвонок за другим. Его прикосновения разительно контрастировали с его сухим бесстрастным голосом. Впрочем, Карлос всегда представлял собой одно сплошное противоречие. Хладнокровный профессионал с непроницаемым лицом, заходя в палату к своим юным пациентам, становился их добрым, чутким другом. Общась с коллегами и друзьями, он был немногословен и сдерживал свои эмоции, а в постели с ней оказался нежным и страстным любовником.

Ее голова упала вперед, и его ладонь проскользнула ей дальше под платье. Молния при этом растянулась на дюйм, не больше, но Лайла напряглась и тихо ахнула.

— Тише, — успокоил ее Карлос. — Я не собираюсь к тебе приставать. Я просто массирую спину, чтобы тебе было комфортнее.

Она мягко рассмеялась:

— Думаешь, я такая глупая?

— Хорошо, я перефразирую, — прошептал он ей на ухо. — Я больше ничего не буду делать, если только ты сама не попросишь.

Ее тело горит от его прикосновений, но, как бы велико ни было искушение, она не собирается ему поддаваться.

— Запомни, Карлос, я не стану просить тебя о большем.

— Звучит как вызов.

Слегка повернувшись, она встретила с ним взглядом. Их губы теперь разделяло всего несколько миллиметров, и каждое слово было почти как поцелуй.

— Ты правда обещаешь ничего больше не делать?

Пристальный взгляд его темных глаз не оставлял никаких сомнений в том, чего он хочет в данный момент.

— Даю честное слово. Если ты мне скажешь, чтобы я перестал, я остановлюсь без промедления.

— В таком случае продолжай делать то, что делаешь. — Ее голос прозвучал более хрипло, чем ей хотелось бы.

Лайла снова повернулась к нему спиной, и он просунул другую ладонь ей сзади под ворот, расстегивая все дальше молнию. Она почувствовала прикосновение прохладного воздуха к своей спине. Ее грудь заныла, соски затвердели. Интересно, как далеко зайдет эта игра?

Благодаря его умелым движениям ее затекшие мышцы расслаблялись. Его руки спускались все ниже по ее спине, ловкие пальцы касались пояса ее трусиков. Затем они перебрались на ее бока.

Корсаж платья опасно соскользнул вперед, и Лайла скрестила руки, чтобы удержать его на месте. Все же она не смогла заставить себя сказать, чтобы он остановился. Его близость, прикосновения его рук — это именно то, что ей сейчас нужно.

Она прекрасно знает, что играет с огнем, однако верит, что он не зайдет дальше без ее разрешения. Поэтому она без колебания отдалась во власть нахлынувших на нее ощущений.

Карлос Медина не только хирург от Бога, но и мастер массажа. Прикосновения его рук успокаивают и одновременно возбуждают.

— Не думай ни о чем, — прошептал он ей на ухо. — Ты снова напрягаешься. Мне доставляет удовольствие к тебе прикасаться, но мне не хотелось бы думать, что все мои усилия оказались напрасными.

Его руки скользнули вверх и задержались у нее под грудью. Ее соски затвердели и заныли под бюстгалтером. Затем Карлос прижался к ее спине, и она почувствовала, как он возбужден. Ей безумно хотелось потереться о него, положить его ладони себе на грудь и дать выход желанию, нарастающему внутри нее.

«Это просто физическое влечение, и я могу его контролировать», — сказала себе Лайла, но сила воли начала ее подводить. Обхватив его запястья, она отвела его руки:

— Думаю, пора положить этому конец.

Карлос сразу убрал руки, как и обещал, без малейшего намека на протест. Ее тело отреагировало на это предательской дрожью. Она несколько раз глубоко вдохнула, но это не помогло ей унять бешено колотящееся сердце. Прижимая к груди платье, она посмотрела на Карлоса. Его черты были напряжены, глаза походили на бездонные черные озера.

— Мы оба... — Ее голос дрожал. — Мы оба знаем, что нас влечет друг к другу. Я также знаю, что не должна тебя хотеть. Что наброситься друг на друга сейчас было бы не самым правильным шагом...

— Постой-ка. — Он поднял руки. — У меня не было ни малейшего намерения тебя соблазнить.

— О. — Вопреки своей воле она почувствовала разочарование. — Тогда для чего ты мне делал эротический массаж?

— Чтобы ты убедилась в том, что у меня все в порядке с самоконтролем, смогла расслабиться и получать удовольствие от того, что я собираюсь сделать.

В каждом его слове слышалась уверенность. Этот человек — прирожденный лидер, и она поняла, что готова пойти за ним куда угодно.

— И что ты собираешься сделать?

Он сексуально улыбнулся, и волоски на ее руках встали дыбом.

— Поцеловать тебя.

Глава 6

Тело Карлоса помнило ощущения, которые у него вызывала Лайла. Эта женщина прочно обосновалась в его сердце, в его душе. Наклонившись, он накрыл ее губы своими.

Он предупреждал ее, давал ей возможность сказать «нет». Все же она не попросила его остановиться, и это просто замечательно. Ему нужно, чтобы она знала, как сильно он ее хочет. Несомненно, ему будет сложно сдержаться в самый ответственный момент, но он не станет нарушать данное ей слово.

Как она может казаться ему такой знакомой после одной-единственной ночи близости? Он сразу узнал ее вкус, ее запах, ощущение ее нежных пальцев, проникших под его свитер и футболку и скользящих по его животу и груди.

Запустив ладони ей под платье, он принялся поглаживать ее ягодицы через шелковистую ткань трусиков. Его пульсирующая плоть так набухла, что джинсы стали ему тесны и, казалось, вот-вот лопнут по швам. Ни одна женщина прежде не возбуждала его до такой степени, что он забывал о постоянной боли в спине, о призраках прошлого, об искалеченных детях, нуждающихся в его помощи. По этим причинам ему нужно быть осторожным с Лайлой. Только она может заставить его забыть о единственном пути искупления вины.

Сделав глубокий судорожный вдох, он, полный разочарования, отстранился и застегнул ей молнию. Затем, заглянув в ее затуманившиеся от желания глаза, не удержался и в последний раз поцеловал ее в губы.

— Я думала, ты не собираешься меня соблазнять, — произнесла она, положив ладони ему на грудь.

— Я тебя соблазнил простым поцелуем?

— Не притворяйся. — Ее губы дрожали. — Ты прекрасно знаешь, что ты сделал.

— Я также знаю, что еще мне бы хотелось с тобой сделать, но я обещал не заходить дальше, если ты сама не попросишь. — Он прислушался. — Кажется, мы начинаем снижаться.

В следующую секунду пилот по внутренней связи попросил их вернуться на свои места и пристегнуть ремни.

Совсем скоро они с Лайлой окажутся вдвоем в доме с восемью спальнями. Если существует

хоть малейшая вероятность того, что он отец ее ребенка, им нужно лучше друг друга узнать. В то же время ему нужно найти способ, как стать невосприимчивым к Лайле, пока желание обладать ею не разрушило барьеры, которыми он окружил свое сердце.

Несколько дней, которые она собиралась провести с Карлосом в Вейле, внезапно показались Лайле вечностью.

Пока их внедорожник поднимался по извилистой обледенелой дороге, она изучала стоящий на горе дом, молясь, чтобы там было побольше персонала. Она не нуждалась в том, чтобы ее обслуживали, просто ей хотелось, чтобы помимо них с Карлосом в доме были еще люди. Она слишком боялась желания, которое он у нее вызывал. Пока Карлос рассказывал ей о районе, в который они приехали, она искала следы присутствия людей.

Центральная, самая высокая часть дома в швейцарском стиле была трехэтажной, боковые состояли из нескольких уровней. Похоже, для его строительства были отобраны самые старые и толстые деревья. Он отлично вписывался в окружающий ландшафт и сразу же очаровал Лайлу.

Карлос вел автомобиль мимо вековых сосен, на которых лежали массивные снежные шапки. Лайла плотнее закуталась в пальто, но оно не было таким теплым, как руки Карлоса, когда он обнимал ее в самолете.

Заканчивая свой рассказ о Вейле, он заехал в гараж на шесть машин, площадь которого была не менее двух тысяч квадратных футов. Лайла выросла в достатке, но была поражена, увидев «ламборджини», «мерседес» и несколько дорогих снегоходов.

В квартире Карлоса в Такоме спартанская обстановка, но, очевидно, его семья не скупится, когда речь идет о комфорте во время отдыха.

Прежде чем она успела отстегнуть ремень безопасности, он открыл пассажирскую дверцу и помог ей выбраться из салона. Как обычно, к вечеру его хромота стала более заметной, но он не жаловался на боль. В его кабинете стояла трость, но Лайла ни разу не видела, чтобы он ею пользовался. Предложи она ему опереться на ее руку, он бы отказался. Они не настолько близки, чтобы он проигнорировал свою гордость и принял ее помощь. С ним у нее никогда не будет подобной близости. Осознание этого расстроило ее сильнее, чем она могла бы предположить всего несколько месяцев назад.

Через гараж Лайла проследовала за ним по узкому коридору вглубь дома. Он несколько раз останавливался, чтобы отключить очередную сигнализацию. Повесив пальто на чугунную вешалку, она окинула взглядом окна высотой от пола до потолка. Несомненно, стекла в них пуленепробиваемые. По мере приближения к дому деревьев становилось все меньше. Интересно, они были убраны из соображений безопасности или так задумал дизайнер, спроектировавший сад, который сейчас выглядит как огромная белая поляна с расчищенными дорожками?

Из помещения с огромным бассейном открывался живописный вид на горную цепь вдалеке. Ее заснеженные пики были окутаны розоватым светом только что опустившегося за них солнца.

Лайла по-прежнему не встретила никого из персонала. В доме царила тишина. Толстые ковры заглушали их с Карлосом шаги. Картины с видами гор отлично вписывались в интерьер шале.

Карлос выбрал отличное место для их отпуска, ничего не скажешь.

— Пиренеи, — пояснил он, поймав направление ее взгляда. — Моя семья часто каталась там на лыжах.

До того, как на Сан-Ринальдо произошел государственный переворот.

До того, как он потерял дом и мать.

Лайла провела кончиками пальцев по резной раме красного дерева.

Как много еще она увидит вещей, напоминающих о его утраченном доме? Как много их она уже видела, но проигнорировала?

Карлос открыл дверь в одной из стен. За ней оказалась просторная кухня со стильной мебелью и современной техникой. Рабочие поверхности из темно-зеленого гранита блестели под горящими чугунными светильниками. Холодильник для вина занимал все пространство под прилавком. Через стеклянные дверцы можно было увидеть этикетки с названиями винтажных марок.

Прислонившись к стойке, Карлос скрестил ноги:

— Персоналу я дал недельный отпуск. Запасы еды пополнены. Уборщики будут приходить всякий раз по нашему вызову.

— Спасибо, но я сама в состоянии помыть за собой посуду.

Он открыл дверцу двухметрового холодильника:

— В таком случае как ты смотришь на то, чтобы перекусить перед сном?

Пять минут спустя она уютно устроилась в уголке огромной софы в гостиной, а Карлос растянулся на диване напротив. В камине потрескивали сосновые поленья, наполняя помещение ароматом смолы. Труба из полированного камня поднималась к сводчатому потолку. Таким же камнем был выложен очаг на веранде с видом на горы. На столике рядом с ней стояла тарелка с маленькими порциями разнообразных деликатесов. Карлос предпочел сэндвич. Он не обращал внимания на то, что шеф-повар превратил простое блюдо в настоящее произведение кулинарного искусства. Он ел как обычно, не смакуя пищу, воспринимая ее всего лишь как источник энергии для своего тела. Лайла всегда восхищалась им в такие минуты. Он обладал богатством и привилегиями, однако предпочитал посвятить свою жизнь служению другим людям.

— Это место... У меня нет слов для того, чтобы его описать, — произнесла она, сделав глоток чая.

Именно в таком отдыхе она нуждается после напряженных последних месяцев. Уединенное шале теплое и уютное.

Прожевав кусок сэндвича, Карлос вытер рот салфеткой.

— Когда мой отец свыкся с тем, что его сыновья не собираются всю свою жизнь прятаться вместе с ним на его острове, он обустроил остальные дома, принадлежащие нашей семье, таким образом, чтобы у нас все было под рукой. — Он сделал охватывающий жест рукой. — Так что у нас не было необходимости тратить время на бытовые проблемы и часто выходить из дому.

В обычном мире на долю родителей выпадает немало хлопот. Лайле даже представить было страшно, со сколькими проблемами пришлось столкнуться изгнанному королю, который был вынужден в одиночку воспитывать троих сыновей.

Она положила ладонь себе на живот.

— У него были основания беспокоиться о вас.

— Это понятно. Но жизнь в четырех стенах — это вообще не жизнь. — Карлос доел остатки сэндвича.

— Даже если тебя со всех сторон окружает роскошь?

— Особенно если она тебя окружает. Но, должен признаться, этот дом идеальное место для проведения отпуска. Здесь есть даже зал для гольфа и винный погреб, но, поскольку ты в положении, содержимое последнего в этот раз мы изучать не будем.

В этот раз? Он собирается ее еще сюда приглашать?

Когда Карлос убедится в том, что это действительно его ребенок, им придется общаться не только на работе. Возможно, он еще этого не осознал, но его жизнь уже навсегда связана с ее.

Он почесал затылок, и свитер обтянул его широкие плечи.

— Думаю, в сауну тебе тоже идти не стоит. Из университетских лекций я помню, что беременные женщины должны соблюдать осторожность, когда дело касается сауны и горячих ванн.

Щеки Лайлы вспыхнули при воспоминании об их близости в ванне в ту ночь, когда был зачат их ребенок. Карлос установил у себя в доме огромную ванну с гидромассажем в лечебных целях, но тогда они использовали ее не по назначению.

Воздух между ними зазвенел от напряжения, когда она прочитала в его потемневших глазах, что он тоже помнит ту ночь. Что она подействовала на него так же, как на нее.

После той вечеринки, когда он впервые к ней прикоснулся как мужчина к женщине, она не может ни о чем больше думать, кроме как о его ласках и поцелуях.

Стоя в саду на крыше больницы, Лайла смотрела на рождественские огни Такомы. Уставшая от громкой музыки и общения со спонсорами, она наслаждалась великолепным видом и не сразу обратила внимание на стук шагов у себя за спиной.

Она без труда узнала неровную поступь человека, с которым проработала четыре года. После звонка матери, которая в слезах пожаловалась ей на то, что нашла в кабинете отца новую ночную рубашку не ее размера, она подумала, что ей не помешало бы немного отвлечься.

Секунду спустя Карлос накинул ей на плечи шаль:

— Мне бы не хотелось, чтобы ты простудилась.

— Спасибо. — Она плотнее закуталась в шаль. — Сегодня ты был очень любезен с членами правления. Я не стану ворчать, если ты захочешь уйти пораньше.

Он засунул руки в карманы смокинга. Его темные глаза блестели в свете крошечных белых лампочек.

— Намекаешь на то, что до сих пор я был недостаточно вежлив?

— Я знаю, что ты не любитель подобных мероприятий. На них ты одним глазом смотришь на часы и с нетерпением ждешь, когда сможешь вернуться к работе.

— Невозможно смотреть на часы, когда рядом есть такая красивая женщина, как ты.

Лайла приоткрыла рот и тут же закрыла. Ее сердце бешено застучало. Они четыре года были друзьями и никогда не переходили эту грань. Ее влекло к нему, но она не думала, что это взаимно.

— Мне нужно тебя поблагодарить?

— Очевидно, я намного лучше скрываю свои эмоции, чем ты думаешь, раз ты никогда не замечала, как действуюшь на меня.

— Ты выпил? — спросила она.

— Ни капли.

— Я тоже.

— У меня был трудный день, и что-то в твоём лице подсказывает мне, что у тебя тоже. Подобное с помощью алкоголя не исправишь, — сказал он, пристально изучая ее.

К счастью, остальные находились внутри и не могли их видеть. Она не знала, как он ее здесь нашел. Возможно, он просто захотел побыть один, как и она.

— Вы тоже отлично выглядите, доктор Медина, — ответила она, смело потянув края его бабочки.

Он схватил ее за запястья. Его пальцы были сильными и горячими.

— Раз мы оба в трезвом уме, моя прекрасная Лайла, — прошептал он, нежно ущипнув ее губами за мочку уха, — у нас нет причин не делать этого.

Неужели этот приглушенный стон издала она?

Его губы медленно скользнули по ее щеке, и у нее чуть не подкосились ноги.

— И этого. — Его руки обвились вокруг нее, и ее изумленный вздох утонул в поцелуе...

— Лайла?

Голос Карлоса вернул ее к реальности. Воспоминания о его поцелуе были яркими и отчетливыми. Чтобы прогнать их, она взяла свою кружку и, глядя на него поверх нее, произнесла:

— Прости. Что ты сказал?

Он поставил свою кружку на столик:

— Почему ты никогда не была замужем?

Его вопрос был столь неожиданным, что она помолчала какое-то время, прежде чем ответить:

— А ты почему никогда не был женат? Ты старше меня.

— Туше! — улыбнулся он. — Так и быть, я первый отвечу. Я давно решил, что останусь холостяком.

— Почему? — спросила она, внезапно охваченная любопытством.

— По обычным для холостяка причинам, — сказал Карлос. — Во-первых, я трудоголик. Во-вторых, я не хочу, чтобы какая-то женщина стала заложницей безумия, которое охватило всех вокруг, когда они узнали мое настоящее имя.

Вторая причина была далеко не обычной.

— Да женщины в очередь выстраиваются, чтобы добровольно принять участие в этом безумии. И Нэнси в этой очереди первая.

Его улыбка сделалась натянутой и мрачной.

— Я не давал ни одной из них повода на что-либо надеяться.

— Однако они бегают за тобой толпами.

Сразу как только эти слова сорвались с губ Лайлы, она о них пожалела. Не хватало еще, чтобы Карлос думал, будто она его ревнует. Но, в конце концов, она беременна от него. Любая из его поклонниц, женись он на ней, стала бы частью жизни ее ребенка.

Карлос рассеянно потер свое колено:

— Их всех привлекают мои деньги и титул. Даже будь я косматым одноглазым троллем, их бы это не остановило.

Лайла расхохоталась.

Он поднял бровь:

— Я не шучу.

— Я знаю, мне понравился образ, который ты нарисовал, — произнесла она, смеясь.

Она не могла остановиться. Она знала, что этот смех не что иное, как способ снять напряжение, нараставшее внутри ее последние два дня.

Причем это напряжение не единственное, что растет внутри ее. Лайла положила руку себе на живот.

Из ее горла вырвался новый взрыв смеха, и она накрыла рот ладонью. Карлос уставился на нее так, будто она спятила. Возможно, он прав. Кто знает? Она икнула, и ее глаза вдруг зажгло изнутри. Не успела она понять, в чем дело, как душевная боль начала выплескиваться наружу

вместе со слезами.

Глава 7

Карлос слишком часто видел, как плачут его пациенты. Ему не нравилось думать, что он стал невосприимчив к их слезам, но он не мог себе позволить сентиментальничать, иначе был бы не в состоянии выполнять свою работу.

Однако при виде плачущей Лайлы он не смог остаться безучастным. Встав с дивана, он опустился рядом с ней на колени, прежде чем она закончила вытирать щеки тыльной стороной ладони.

До сих пор он только однажды видел, как Лайла потеряла самообладание. Это произошло примерно год назад. Маленький мальчик сломал седьмой шейный позвонок на одном из аттракционов в парке. Родители должны были радоваться, что их сын остался жив и благодаря операции, проведенной Карлосом, смог двигать большим пальцем руки, чтобы управлять электрическим инвалидным креслом.

Лайла схлестнулась не на шутку с представителями страховой компании и добилась, чтобы ребенок получил все необходимое.

В день операции Карлос, совершая вечерний обход, обнаружил Лайлу, сидящую у постели мальчика с мокрым носовым платком в руке. Он не знал, почему тот случай взволновал ее сильнее других. Наверное, дело было в том, что прежде он не заставлял ее в минуту слабости. Тогда внутри у него словно что-то щелкнуло, усилив влечение, которое он испытывал к Лайле все эти годы. Во время рождественской вечеринки он поддался соблазну и поцеловал ее.

Он смахнул свежую слезу с ее щеки:

— Ты в порядке?

— Да. Нет. Не знаю, — пробормотала она. — Жаль, что я не могу обвинить во всем гормоны.

— Последние два дня были напряженными.

И у него тоже.

— Это преуменьшение. — Она кивнула.

Сев на софу рядом с ней, он обнял ее за плечи и прижал к себе. Лайла тщетно пыталась сдержаться. Ее плечи затряслись, и она зарыдала, уткнувшись лицом в его грудь. Прижавшись щекой к ее макушке, он вдохнул легкий цветочный аромат ее шампуня, так не похожий на запах антисептика, который окружал их обоих большую часть времени. Его руки заскользили по ее спине. Мягкость кашемирового платья напомнила ему о массаже, который он делал ей в самолете. Но на этот раз он оставил замочек молнии в покое. Сейчас ей нужно от него совсем другое, и он ей это даст.

Он гладил ее по спине до тех пор, пока она не закончила всхлипывать. При каждом вдохе ее грудь крепче прижималась к нему, и он стискивал зубы, чтобы не расстегнуть молнию на ее платье и не прикоснуться к ее бархатистой коже. Почти три месяца без Лайлы сказывались на его самообладании.

Он чувствовал себя мерзавцем, потому что возбудился, в то время как она страдала. Желание

защитить ее боролось в нем с желанием овладеть ею. Все барьеры, которые он воздвиг внутри себя, рушились рядом с этой женщиной.

Шмыгнув носом, она наконец отстранилась, поправила платье и, подняв на Карлоса глаза, просто сказала:

— Хорошо.

— Что — хорошо?

— Давай используем наш отпуск по максимуму. Будем заниматься сексом двадцать четыре часа в сутки. — Заведя руку за спину, она потянула вниз замочек молнии. — Начнем прямо сейчас.

Ее слова повергли его в ступор. Да, он хочет ее, но не сейчас, когда она расстроена и не способна мыслить здраво. Когда его собственный разум отказывается четко функционировать.

Карлос схватил ее за плечи:

— Подожди-ка минутку.

Ее лоб прорезала складка.

— Ты хочешь, чтобы я остановилась?

Ее соблазнительная грудь находится всего в нескольких дюймах от его рук, но он должен быть сильным.

— Нам нужно тщательно это обсудить.

Замешательство на ее лице уступило место гневу.

— Не знаю, в какую игру ты сейчас со мной играешь, но мне она не по душе. Даю голову на отсечение, в самолете ты был возбужден.

— Да, был. — Он поморщился. — Я и сейчас возбужден.

Ее зеленые глаза заблестели.

— В таком случае что тебе мешает?

— Было бы неправильно воспользоваться женщиной, когда она расстроена.

Ее глаза неистово сверкнули. Дернув вверх молнию, она в последний раз провела кончиками пальцев под глазами, чтобы убрать следы от слез.

Заметив у нее на виске маленькое пятнышко туши для ресниц, Карлос протянул руку, чтобы его вытереть, но она резко отстранилась.

— Выспись хорошенько. Утром, если ты успокоишься и по-прежнему будешь меня хотеть, я овладею тобой на первой попавшейся горизонтальной поверхности, прежде чем успеют остыть блинчики.

— Ты умеешь готовить блинчики? — удивилась она.

— Что тут странного? — Он хотел заставить ее улыбнуться, закончить день на более веселой ноте. — Я бы приготовил их для тебя в то утро, если бы ты осталась.

Прищурившись, Лайла внимательно посмотрела на него:

— Ты поэтому меня избегал? Потому что я ушла до завтрака? Лично мне все помнится совсем по-другому.

— Скажи, что ты помнишь?

В то утро его, как обычно, преследовали мучительные воспоминания, и он делал все, чтобы сохранить между собой и Лайлой эмоциональную дистанцию, надеясь таким образом защититься от прошлого, с которым не мог примириться.

— Я помню запах бекона, твой ворчливый тон. Помню, как ты собирался на работу. — В ее голосе слышалась обида, и его охватило чувство сожаления. — Ты можешь отрицать, что нам было бы неловко завтракать вместе?

Карлосу меньше всего хотелось обсуждать прошлое. Он мысленно отругал себя за упоминание о том утре.

— Почему бы нам не сосредоточиться на настоящем? Приглашаю тебя на блинчики, скажем, — он посмотрел на часы, — через девять часов.

Сказав это, он поцеловал ее в соленую от слез щеку, сделав над собой усилие, быстро отстранился и помог ей встать с дивана. Когда они шли по коридору каждый в свою спальню, Карлос заметил, как напряжена спина Лайлы. Она перестала плакать, но все же ему не удалось ей помочь.

Господи, как же его раздражает неопределенность, когда дело касается этой женщины! Он всегда мог найти всему логическое обоснование, но чувства, которые он испытывает к Лайле, не подчиняются ни логике, ни здравому смыслу.

Когда запах ее кожи пробудил воспоминания о той ночи, что они провели вместе, ему пришлось сделать над собой невероятное усилие, чтобы не принять ее заманчивое предложение.

Он наблюдал за Лайлой с противоположного конца бального зала. Их поцелуй в саду на крыше едва не вышел из-под контроля. Еще немного, и они посрывали бы друг с друга одежду и занялись бы сексом прямо там. Только перспектива замерзнуть убедила их перейти оттуда в другое место. В его кабинет. И как можно скорее. К сожалению, они не могли этого сделать, минуя зал с гостями.

Его сердце бешено заколотилось, когда Лайла задвигалась сквозь толпу к выходу, пуская в ход все свое обаяние, чтобы не обидеть людей, жаждущих ее внимания.

Джим, главный педиатр, был особенно настойчив. Ему была нужна значительная часть денежной суммы, которую только что получила больница.

Краем уха он услышал, как кто-то его зовет. Слегка повернув голову, он обнаружил, что это новый рентгенолог по имени Нэнси. Вежливо кивнув, он быстро направился к выходу, пока она не вовлекла его в разговор. Он мог думать только о Лайле и о том, что они не закончили

на крыше.

Его кабинет находится в уединенном месте в дальней части здания благодаря Лайле, которая таким образом защитила его от назойливой прессы.

Он убедился в том, что никто не следует за ним по пятам, прежде чем вставить ключ в замочную скважину. В следующую секунду ему на плечо легла чья-то ладонь. Это была Лайла. Повернувшись, он обхватил ее одной рукой и поцеловал в губы, а другой рукой открыл дверь.

Вцепившись в лацканы его смокинга, она ответила на его поцелуй. Войдя вместе с ней внутрь кабинета, Карлос закрыл дверь и прижал Лайлу к ней спиной.

Он никогда никого так сильно не хотел, как сейчас хочет Лайлу.

Ее руки легли ему на пояс и в два счета расстегнули ремень, затем молнию на брюках. Эта женщина ловкая, смелая и сильная. Его восхищают эти качества. Ему не терпится задрать ей платье, слиться с ней в единое целое, услышать, как она будет кричать в экстазе его имя.

К счастью, он всегда во всеоружии. Достав из кармана предохраняющее средство, он надорвал пакетик из фольги.

Он прогнал мысли о детях, которых у него никогда не будет. Об опасности, которая угрожает его потенциальной жене. Он никогда не вступит ни с кем в брак, потому что не может допустить, чтобы еще одна невинная женщина пострадала из-за своей связи с семьей Медина.

Он потянул подол золотистого платья вверх, обнажив стройные ноги его прекрасной богини. Затем он стянул с нее трусики и погрузился в ее теплую влажную пустоту, которая приняла его, даря ему ощущения, которые он никогда больше не испытает, потому что эта ночь с Лайлой останется для него единственной...

Карлос стоял у камина, уставившись на тлеющие угли. Правильно ли он поступил, отправив Лайлу в ее комнату? Черт побери, большую часть времени с ней он не может понять, правильно ли поступает. Подчиняется зову плоти, а не голосу разума.

Ее слезы отличались от слез его маленьких пациентов и их обеспокоенных родителей. В случаях с больными он знал, как реагировать на эти слезы, потому что зачастую был в силах изменить ситуацию к лучшему. Но он понятия не имел, как избавить от боли Лайлу.

Вдруг его осенило. Это он причина ее слез и страхов. Он видел ее гнев в тот день, когда она сказала ему о ребенке. Но он так старательно пытался ее защитить, держась от нее на расстоянии, что пропустил очевидное.

Вернувшись мысленно к разговору в его кабинете, он вспомнил, как она решительно заявила, что за последние восемь месяцев он был ее единственным мужчиной.

У Лайлы нет причин лгать. Ей никогда не было дела до его богатства и королевского происхождения.

Оперевшись рукой о каминную полку, Карлос принялся собирать все свои заключения

воедино. Он нашел всего два объяснения тому, что произошло. Либо ребенок действительно его, либо Лайлой мог кто-то воспользоваться без ее ведома. Какой-нибудь мерзавец запросто мог во время свидания подсыпать наркотик ей в напиток и овладеть ею. При мысли об этом его руки сжались в кулаки. Он готов защищать ее от всех и вся. Пусть кто-нибудь только посмеет ее хоть пальцем тронуть! Собственническое чувство, охватившее его, заставило принять неизбежное. Лайла принадлежит ему, следовательно, не имеет значения, беременна она от него или нет.

Он не сможет выбросить ее из своей жизни. Он должен обеспечить безопасность ей и ребенку, которого она ждет. Он никогда не планировал связывать свою жизнь с кем-либо. Он подвел одного близкого человека и не хочет, чтобы это повторилось.

Но сейчас у него, похоже, нет выбора.

Следующим утром Лайла расчесала пальцами мокрые волосы. Благодаря душе она окончательно проснулась.

Вчера вечером она безрассудно предлагала себя Карлосу. Его отказ причинил ей боль, но она не позволила себе расплакаться. Она больше не прольет из-за него ни слезинки. Большую часть ночи она пролежала без сна, глядя на кедровые потолочные балки, на которые падали бледные лунные лучи.

Сейчас комната была залита ярким солнечным светом, но он не помог ей разобраться в хаосе мыслей и чувств. Натянув свои любимые джинсы, она потянула замочек молнии и обнаружила, что они больше не сходятся на талии. Ребенок внутри ее растет, а это означает, что у нее остается все меньше времени для того, чтобы разобраться в своей жизни.

Карлос отказал ей вчера, потому что не хотел пользоваться ее уязвимостью? Если так, может ли это пролить свет на его поведение в последние месяцы?

Есть только один способ это выяснить.

Решив, что прятаться целый день в своей комнате бессмысленно, Лайла надела длинный бледно-розовый свитер из ангорской шерсти. Она встретит любые трудности с гордо поднятой головой и сухими глазами. Ради своего ребенка. Ради себя самой.

Сделав глубокий вдох, Лайла открыла дверь спальни и вышла в коридор. Ее ноги, на которых были только носки, утопали в мягком ворсе ковровой дорожки. Едва ступив на лестничную площадку, она почувствовала аромат, доносящийся из кухни.

Сладкий. Манящий. Так пахнут блинчики.

Она заикнулась на отказе Карлоса и почти забыла об этой части их вчерашнего разговора. В ее сердце затеплилась надежда. Раз он сдержал обещание и готовит для нее завтрак, он не отверг ее вчера, а просто дал ей отдохнуть.

С этой мыслью она спустилась вниз и остановилась в сводчатом проеме, ведущем на кухню.

Стоя к ней спиной, Карлос переключал румяный блинчик со сковороды на тарелку. На столе рядом с ним стояла чаша, полная спелой малины. У Лайлы потекли слюнки, и причина была не только в еде. Белая футболка обтянула его широкие плечи, сильные умелые руки, которые помогли стольким пациентам, ловко резали абрикосы.

Медный чайник на плите засвистел, и Лайла подскочила на месте. Выключая его, Карлос повернулся и посмотрел на нее.

— Видишь, никаких слез, — сказала она.

Его глаза загорелись от желания. От его улыбки у нее захватило дух, но гордость не позволила ей сдвинуться с места.

Карлос медленно направился к ней. Она ждала его с учащенно бьющимся сердцем.

Он остановился перед ней, задев босой ногой ее ногу.

— Ты голодна?

— Умираю с голоду, — ответила она, понимая, что он имеет в виду вовсе не еду. — Больше никаких разговоров.

Слова могут породить сомнения, которые испортят этот момент.

Карлос кивнул. Его руки скользнули по ее бокам и схватились за талию. Затем одним ловким движением он усадил ее на гранитную стойку. Она почувствовала холод камня через ткань джинсов.

— Тебе никто не говорил, что не следует заглатывать еду?

— Очевидно, ни у кого в меню не было ничего столь же восхитительного, как ты.

Оторвав кусочек блинчика, он обмакнул его в сироп и поднес к ее рту. Она принялась посасывать угощение. Ее губы коснулись его кожи, слегка солоноватой на вкус. Его зрачки расширились, из горла вырвался звук, похожий на львиный рык.

Отодвинув в сторону тарелку с блинчиками, Лайла обхватила руками его шею и притянула его ближе к себе. Он встал между ее раздвинутых ног и накрыл ее рот своим. У его губ был вкус малины и сиропа. Очевидно, он пробовал свою стряпню в процессе готовки.

Его запах, прикосновение щетины к ее коже будоражили чувства. Выбросив из головы все мысли, она обхватила ногами его талию. Рука Карлоса проскользнула ей под свитер, и его прикосновение обожгло ее. Затем он стянул с нее свитер и накрыл ладонями ее грудь. Ее соски тут же затвердели под бюстгалтером из тонкого кружева, который внезапно стал тесным и колючим.

Тогда Лайла выгнулась дугой, и Карлос, просунув руки ей под спину, вмиг освободил ее грудь из кружевного плена. Она схватилась за края его футболки и потянула ее вверх. Мгновение спустя футболка оказалась на полу рядом с ее свитером. Пока она возилась с застежкой его джинсов, Карлос немного отстранился и начал стаскивать с нее ее собственные. Ее взгляд скользнул по его широкой груди, плоскому животу, и она, просунув руку ему под джинсы, обнаружила, что на нем нет трусов.

Наконец он снял с нее джинсы, и она осталась в одних шелковых трусиках. Карлос на несколько секунд оперся ладонью о стойку, словно пытаясь обрести равновесие. Его кадык дергался вверх-вниз, глаза лихорадочно горели.

Запустив два пальца в чашу с ягодами, он провел ими по ее ключице, после чего слизал

языком сок. Его теплое дыхание и прохладный воздух создавали великолепный контраст для ее чувствительной кожи. Убрав последнюю каплю у основания ее шеи, он снова потянулся за соком, глядя при этом на ее грудь. Неужели он собирается...

Да!

Малиновый сок растекся по ее груди подобно тому, как желание разлилось по ее венам. Голова ее запрокинулась, пока он продолжал свое изысканное пиршество. Лайла вцепилась ему в плечи. Карлос уложил ее на стойку и начал опускаться поверх нее. Вдруг она вспомнила о его больной спине.

— Карлос, пойдем на диван. — Ее пальцы нежно коснулись рубцов в нижней части его спины.

Он положил ей в рот спелую ягоду:

— Мне всю ночь снилось, как я занимался с тобой любовью здесь. Ничто не мешает мне сделать этот сон явью.

По ее спине пробежала приятная дрожь. Нужно придумать, как выразить свое беспокойство, не задев при этом его гордость.

— Но что, если...

— Мои ноги меня подведут? — Подняв бровь, он придвинул ее бедра к краю стола и запустил пальцы под пояс ее трусиков. — В этом случае ты присоединишься ко мне на полу. Мы непременно закончим то, чего оба хотим, можешь не сомневаться. — Он потянул трусики вниз, и в низу ее живота все затрепетало. — Будем предохраняться или нет? Я ничем не болен. За последний год у меня не было ни одной женщины, кроме тебя. Я доставлю тебе удовольствие столько раз, сколько ты захочешь.

Целый год? У Лайлы перехватило дыхание. Его уверенный тон говорил о том, что он полностью себя контролирует.

— Я тебе верю, Карлос. Предохраняться не нужно.

Тогда он, громко зарывчав, вошел в нее мощным рывком. Обхватив ногами его талию, она заерзала под ним, чтобы он погрузился глубже в нее. Она называла его по имени, выражала свои желания, бормотала слова одобрения.

Как и после рождественской вечеринки, она унеслась в головокружительном вихре ощущений. Она всю ночь представляла себе, как это будет, но мощь страсти, бросившей их в объятия друг друга, застигла ее врасплох. Воспоминания об их первой близости были отчетливыми, но, разумеется, не могли сравниться с тем, что происходит здесь и сейчас. Ей казалось, что Карлос наполняет собой каждую клеточку ее существа.

Наконец он сделал финальный рывок, и перед ее глазами взвился вихрь из разноцветных искр. Ее руки безвольно обвили его шею. В следующую секунду Карлос приглушенно застонал и присоединился к ней в экстазе освобождения.

— Лайла? — прошептал он, когда они оба немного отдышались.

— Что? — пробормотала она.

— Выходи за меня замуж.

Глава 8

Пока все его тело гудело после их с Лайлой близости, Карлос спрашивал себя, как он позволил зову плоти взять верх над голосом разума. Он не собирался делать ей предложение таким образом. Он готовил завтрак, репетировал речь, которую намеревался произнести, когда они будут есть блинчики у окна с видом на горы.

Он попытался прочесть на лице Лайлы ее чувства, но она быстро отвела взгляд. Затем она молча отошла в сторону, наклонилась, подняла с пола его футболку и надела ее. Она хотела казаться спокойной, но дрожащие руки выдавали ее.

— У нас уже был секс. Зачем тебе идти со мной на компромисс?

— Ты не ответила. — Поморщившись, он застегнул джинсы.

Наконец она подняла голову и посмотрела на него:

— Мой ответ «нет».

Ее отказ задел его сильнее, чем можно было ожидать. Он ведь не хочет жениться, черт побери!

— Я подумал, что ты будешь счастлива, если выйдешь за меня замуж. Ты даже не подумала над моим предложением.

— А ты сам подумал?

— Это единственное, о чем я сейчас могу думать, — признался Карлос.

— Почему ты сделал мне предложение? И почему именно сейчас? — Она снова подошла к нему. — Это из-за того, что вчера вечером я пролила несколько слезинок? Я для тебя кто-то вроде очередного пациента, которого нужно спасать?

— Я хочу, чтобы этот ребенок был моим. — Он схватил ее за плечи. — Я хочу защитить вас обоих. Разве в этом есть что-нибудь предосудительное?

Лайла неистово покачала головой:

— Это не то же самое, что поверить мне.

Почему она отказывается? Ведь он собирается сделать именно то, чего она добивалась с самого начала.

— Я буду заботиться о тебе и о ребенке, признаю его своим вне зависимости от результатов анализа ДНК. Мы с тобой похожи. Мы оба разумные и практичные люди.

— Разумные и практичные? — цинично повторила она. — Твоя холостяцкая жизнь тебя до сих пор вполне устраивала. Ты говорил это так много раз, что я сбилась со счета. За четыре года нашего с тобой знакомства ты даже ни разу не намекнул...

Разочарованный ее отказом, он тщательно пытался подобрать нужные слова:

— Тогда что, по-твоему, значит та ночь, которую мы провели вместе?

— Я не знаю, Карлос. — Ее лицо было напряжено, глаза блестели от слез, но она не позволила себе пролить ни одной. — Я только знаю, что после нее ты два с половиной месяца вел себя так, будто меня не существует. Возможно, я не так разумна и практична, как ты думаешь, потому что не могу выбросить ту ночь из головы.

— То, что мы испытали, потрясло меня.

— Я пошатнула твой мир? Правда? — Отстранившись, Лайла покачала головой. — Что ж, ты тоже пошатнул мой мир. Это называется потрясающим сексом. Его недостаточно для того, чтобы построить брачные отношения.

Повернувшись, она направилась к лестнице, и Карлос понял, какую серьезную ошибку совершил.

— Лайла! Черт побери, Лайла. Давай поговорим.

Карлос сделал шаг в ее сторону, но в этот момент зазвонил его мобильный телефон, лежащий на стойке рядом с чашей с ягодами. Он собрался сбросить вызов, но, увидев на дисплее имя младшего брата, помедлил. Он должен ответить на звонок. Возможно, Лайле нужно дать несколько минут, чтобы успокоиться.

— Антонио? — произнес он в трубку. — Говори. И пусть это будет что-то важное, иначе я не стану тебя слушать.

— Это очень важно, — ответил его брат. — Речь пойдет о нашем отце. Врачи говорят, что он не доживет до конца недели, если ему не сделают пересадку печени.

Лайла смотрела в иллюминатор на темное небо и океан. Вейл остался далеко позади. Работая в больнице, она часто была свидетелем того, как внезапное ухудшение здоровья одного члена семьи меняет планы остальных.

Предложение Карлоса возмутило ее. Вернувшись на кухню через несколько минут, она собиралась предупредить его, что немедленно вернется домой, если он не перестанет говорить с ней о браке. Новость, которую сообщил ему брат, изменила все. Карлос попросил ее поехать с ним. Разве она могла ему отказать?

Возможно, это ее единственный шанс познакомиться с бабушкой своего ребенка. Возможно, она узнает что-нибудь о Карлосе, что поможет ей лучше понимать мотивацию его поступков.

Есть еще одна причина, по которой она решила поехать с ним. Она не могла допустить, чтобы он в одиночку пережил смерть отца.

Поэтому она и села в самолет вместе с ним. На этот раз они летели на какой-то остров, находящийся у побережья Флориды, где Энрике Медина жил вот уже много лет. В прессе никогда не упоминалось местонахождение короля, потому что о нем никто не знал. То, что Карлос поделился с ней столь секретной информацией, вселяло в нее надежду. Очевидно, он ей доверяет и по-прежнему считает своим другом.

Карлос сидел напротив нее и просматривал текстовые сообщения на экране своего телефона. Лицо его было непроницаемым.

Они так быстро собрали вещи и покинули дом в Вейле, что она не успела до конца осознать,

что произошло утром на кухне. Даже несмотря на душ, принятый второпях, ее кожа по-прежнему пахла малиной.

Страстного любовника сменил серьезный прагматичный доктор, которого она знала намного лучше. Серый костюм безупречного покроя был ему чуть великоват, и неудивительно. Он работал на износ и часто пропускал приемы пищи. Лайла вцепилась в подлокотники кресла, чтобы не поправить прядь волос, упавшую ему на лоб.

Тихо выругавшись себе под нос, Карлос убрал телефон в карман.

— Есть новости о состоянии твоего отца? — спросила она.

Поерзав в кресле, он покачал головой:

— Нет. Тони просто спросил, во сколько мы прибываем.

— Мне жаль, что твоему отцу стало хуже. Должно быть, ты очень расстроен.

Карлос уставился на свои руки, лежащие на коленях:

— Я знал, что этот день скоро настанет.

— Мы оба достаточно долго работаем в больнице, чтобы понимать, что в подобных случаях готовность к худшему не ослабляет боли.

— Разговорами ничего не изменишь, — ответил он, резко выпрямившись. — Прошу простить меня за то, что твое знакомство с моей семьей произойдет так быстро. Я запланировал его на конец нашего с тобой отпуска.

Его слова удивили Лайлу. Он не упоминал о том, что собирался познакомить ее во время этой поездки со своими родственниками. Она испытывала одновременно замешательство и робкую надежду.

— Твои братья уже на острове?

— Да, там сейчас Антонио со своей женой и пасынком и Дуарте со своей невестой. Моя сводная сестра и ее муж тоже прилетели. Элоиза беременна. Меня удивляет, что она путешествует на таком позднем сроке, но Антонио говорит, что она настояла на том, чтобы быть рядом с отцом. — Он потер крыло носа. — Прости, что тебе придется встретиться со столькими людьми сразу. Впрочем, дом очень большой, и ты сможешь найти уединенное место, если захочешь отдохнуть от всех нас. У нас с братьями у каждого есть свое собственное крыло. В случае, если ты не захочешь жить в моем крыле, в твоём распоряжении будет гостевой домик.

— Уверена, что в твоём крыле мне будет комфортно.

— На острове ты будешь в полной безопасности. Там есть все необходимое, начиная с больницы и заканчивая часовней и кафе. Отец хотел, чтобы у нас было нормальное детство, несмотря на то что мы жили в изоляции от остального мира.

— Похоже, ваш отец делал все возможное для того, чтобы вы были счастливы, несмотря на трагедию, круто изменившую вашу жизнь.

— Признаюсь, мне нравилось жить в уединении, — сказал Карлос, вытягивая перед собой

длинные ноги. — Мои братья ждали того дня, когда смогут покинуть остров, а я не хотел снова становиться частью реального мира.

Почему он уехал, если не хотел этого? Вдруг до нее дошло.

— Теперь я понимаю, как ты можешь столько работать в больнице. Тебе комфортно, когда ты отгорожен от повседневной жизни.

Карлос поднял бровь и улыбнулся:

— Пытаешься выяснить, способен ли я измениться достаточно для того, чтобы ты смогла со мной жить?

— Полагаешь, я могу захотеть с тобой жить?

Улыбка исчезла с его лица.

— Я хочу большего, нежели просто жить вместе с тобой. Утром на кухне я был абсолютно серьезен. Я хочу, чтобы мы с тобой стали мужем и женой.

Опять двадцать пять!

— Если ты будешь продолжать звать меня замуж, мне придется спать в домике для гостей.

— В таком случае давай вернемся к совместному проживанию. — Прищурившись, он сексуально посмотрел на нее. — Спать вместе я тебе не предлагаю.

Лайла подозревала, что он ее дразнит. Что этот разговор отвлекает его от переживаний за отца.

— Раз уж ты упомянул о сне, думаю, мне не помешало бы вздремнуть до конца полета.

— Прекрасно, — произнес Карлос с озорным блеском в глазах. — Но помнишь ли ты о чизбургере с беконом и молочном коктейле с мятой, которые ты хотела? Стюард приготовил для тебя и то и другое. Разумеется, я могу отменить заказ.

У Лайлы потекли слюнки.

— Ты шантажируешь беременную женщину посредством еды, чтобы заставить ее с тобой разговаривать? Это нечестно.

— Я просто пытаюсь помочь, — ответил он. — Я хочу о тебе заботиться. Это не ограничивается массажем спины и приготовлением завтрака. Брак подразумевает гораздо большее.

Он снова ловко перевел разговор на свое возмутительное предложение. Каковы его истинные мотивы?

И чего хочет она сама? Ее сердце болезненно сжалось, когда она осознала, что намного больше похожа на свою мать, чем бы ей этого хотелось. Что она на самом деле хочет романтики.

— Спасибо, но на тот случай, если ты не заметил, говорю тебе, что я способна сама о себе позаботиться.

За этим последовало напряженное молчание. Когда оно стало невыносимым, Лайла отвернулась и уставилась в иллюминатор.

Вдалеке посреди темного океана лежал остров, покрытый сочной зеленью. Он так отличался от заснеженного края, который она покинула несколько часов назад.

Постепенно очертания начали становиться все более отчетливыми. В свете огней она смогла различить постройки, обрамляющие полукругом большой белый особняк в форме латинской буквы U. Немного терпения, и она очутится в том месте, где Энрике Медина прожил в изоляции более двадцати пяти лет. В доме, который стал золотой клеткой для его сыновей. Даже с этого расстояния убежище короля выглядело впечатляюще.

После секундного потрескивания пилот сообщил по внутренней связи:

— Мы идем на посадку. Пожалуйста, оставайтесь на своих местах и пристегните ремни. Надеемся, что вы получили удовольствие от полета.

От волнения у Лайлы засосало под ложечкой. Совсем скоро она встретится с родными Карлоса.

Моторы заревели громче, самолет начал снижаться перед узким островком, находящимся рядом с главным островом. Лайла разглядела на нем одну-единственную взлетно-посадочную полосу, освещенную огнями. Когда они спустились ниже, она увидела паром. Они поплывут на нем на главный остров? Похоже, в этом месте все действительно одержимы безопасностью. Тщательная планировка острова навела ее на мысль, что за каждым шагом, который делают Медина, есть скрытый мотив.

В таком случае зачем Карлос привез ее сюда?

Карлос въехал на внедорожнике в ворота, за которыми находился отцовский особняк. Вооруженные охранники даже не пошевелились, когда он пронесся мимо них. Они с братьями договорились встретиться в главном доме, а затем отправиться к отцу в больницу.

Он думал, что подготовился к этому визиту, что будет абсолютно спокоен, но при виде белого особняка, в котором он провел юность, на него нахлынули воспоминания.

Сбавив скорость, Карлос проехал мимо мраморного фонтана с приветственной надписью.

В прошлый раз, когда он прилетал сюда на свадьбу брата, он смог притупить свои чувства. Однако сейчас по какой-то причине он чувствовал себя таким же слабым и незащищенным, как в те дни, когда был прикован к постели.

Его пальцы вцепились в руль с такой силой, что костяшки побелели. Рубашка прилипла к спине, и он попытался убедить себя в том, что причина этого — теплый и влажный климат Флориды. Но, будучи врачом, он не смог себя обмануть. Это была физиологическая реакция на стресс, вызванный его приездом сюда.

Остановившись перед входом в особняк, Карлос выбрался из автомобиля и, обогнув капот, подошел к пассажирской дверце и открыл ее. Удивительно, но присутствие Лайлы придавало ему сил. Он просунул руку ей под спину и помог вылезти из машины.

Их совместный приезд сюда важен для него. Привезти на остров постороннего человека — это огромный шаг. Особенно для него. Его родные сразу все поймут.

Лайла принадлежит ему.

Они вошли в дом, и дворецкий сообщил им, что остальные ждут их в библиотеке. По дороге Лайла молча разглядывала похожий на пещеру холл с двумя лестницами по обеим сторонам, встречающимися наверху посередине. На стенах висели полотна Пикассо.

Наконец они прошли под позолоченной аркой и оказались в библиотеке со стеллажами до потолка, медной лестницей, мозаикой на полу и изображениями сфер и конкистадоров на потолке. В открытые окна проникал аромат апельсиновых деревьев, смешанный с солоноватым запахом бриза.

Вся семья была в сборе. Только кресло Энрике пустовало. По обеим сторонам от него лежали два родезийских риджбека короля.

— Лайла, это мои братья Дуарте и Антонио, — произнес Карлос, указывая ей на двух молодых темноволосых мужчин, похожих на него.

Дуарте первым вышел вперед и подал Лайле руку. Средний брат Карлоса сделал бы отличную военную карьеру, если бы они остались на Сан-Ринальдо. Поскольку все они в целях безопасности были вынуждены называться вымышленными именами, Дуарте не смог поступить на военную службу в Соединенных Штатах. Вместо этого он стал преуспевающим бизнесменом.

Лайла с вежливой улыбкой поздоровалась с Дуарте и пожала его руку. Она держалась так же спокойно, как во время напряженных заседаний членов правления в больнице.

Затем пришел черед Антонио. Он всегда был индивидуалистом и сорвиголовой. В восемнадцать лет он покинул остров и в Галвестоне поступил моряком на судно, занимающееся ловлей креветок. Теперь он владелец крупной судоходной компании.

Когда Лайла закончила знакомиться с родными Карлоса, ее окружили женщины. Элоиза, его сводная сестра, Шеннон, жена Антонио, и Кейт, невеста Дуарте, начали рассказывать ей об острове.

Убедившись, что его спутница в надежных руках, Карлос обратился к своим братьям:

— Как дела у отца?

— Все еще упрямится, — ответил Дуарте.

— Я хочу знать, почему он покинул больницу в Джексонвилле. — Им стоило огромных усилий убедить отца обратиться за медицинской помощью на материк. — Я думал, его сейчас наблюдают лучшие специалисты.

Антонио нетерпеливо пожал плечами:

— Он решил вернуться домой, чтобы умереть в окружении родных.

Дуарте тяжело сглотнул, прежде чем продолжить:

— Доктора из Джексонвилла и здешние врачи считают, что трансплантация — это единственное, что может ему помочь.

— Тогда к чему все эти похоронные настроения? — У их отца есть шанс. Ему будет достаточно

пересадить одну долю печени. Вполне вероятно, что кто-то из его сыновей сможет стать донором. — Нам нужно немедленно переправить его обратно в Джексонвилл.

Дуарте мрачно рассмеялся:

— Осталось только убедить его дать согласие.

Антонио оперся рукой о камин:

— Тесты показали, что я подхожу в качестве донора, но старик и слышать ничего не хочет. Он говорит, что не допустит, чтобы я подвергал себя риску даже ради спасения его жизни.

Карлосу захотелось громко выругаться от возмущения. Именно отец требовал от него, чтобы он терпел бесконечные мучительные процедуры, чтобы вопреки всем прогнозам снова встать на ноги. Он не позволит старику сдаться, когда у него есть шанс.

— В таком случае мне придется его переубедить.

— Мы связались бы с тобой раньше, но ты не подходишь в качестве донора из-за того, что твоя печень была повреждена, когда ты получил огнестрельные ранения.

Внимание Карлоса привлек чей-то изумленный возглас. Повернувшись, он обнаружил, что Лайла смотрит на него широко распахнутыми глазами и в ее лице нет ни кровинки. Черт побери. Он никогда не называл ей истинную причину своих травм. В этом не было необходимости. Он не хотел ее пугать. Впрочем, он знал, что это пустые отговорки. Что на самом деле ему не хотелось лишний раз возвращаться в ту роковую ночь. Он словно боялся, что если заговорит о ней с кем-то, то заново испытает боль утраты.

Увидев в глазах Лайлы замешательство, он понял, что снова ее подвел. Что она стала важной частью его жизни и он может ее потерять.

Впрочем, разговор с Лайлой придется отложить. Сейчас ему нужно подготовиться ко встрече с отцом. Если он окажется недостаточно убедительным, она станет последней.

Глава 9

Постукивая каблуками по мраморному полу, Лайла вместе с другими женщинами ходила по особняку, который был не меньше больницы в Такоме. Они уже показали ей комнату для музицирования, домашний кинотеатр, бассейны, главную столовую и ее спальню.

Жаль, что бесценные произведения искусства на стенах и пьедесталах, собранные королем, не могут рассказать ей о Карлосе. С каждой минутой, проведенной на острове, она все больше убеждалась в том, что слишком мало знает о мужчине, от которого ждет ребенка.

У нее защемило сердце, когда она вспомнила одну-единственную картину, украшающую кабинет Карлоса. Изображенные на ней дети-калеки, купающиеся в целебных водах, всегда напоминали ей о благородном деле, которому он посвятил свою жизнь. Теперь она осознала, что его связь с этими детьми более глубокая, чем ей казалось. Он сам был одним из этих детей. Ему стреляли в спину. Она представила себе его шрамы, и на глаза ее навернулись слезы.

Интерьер дома говорил лишь о том, что Карлос вырос в достатке и изоляции от внешнего мира. Впрочем, это она и так знала. Чтобы больше о нем узнать, ей придется расспросить Элоизу, Шеннон и Кейт. Остается лишь надеяться на то, что они более словоохотливы, нежели он.

Когда они пересекали небольшой внутренний дворик между крыльями особняка, Лайла провела рукой по нефритовой скульптуре кошки у фонтана. Шеннон открыла очередную дверь.

— Этот коридор ведет в мои апартаменты, — произнесла она с техасским акцентом. — Надеюсь, ты не будешь возражать, если я быстренько загляну к своему сыну и отпущу няню. После этого мы сможем перекусить, как и собирались.

— Конечно нет. Не торопись, — ответила Лайла, наслаждаясь свежим морским воздухом, проникающим в открытую балконную дверь. — Я прилетела с Западного побережья, и мне совсем не хочется спать.

Когда Шеннон с улыбкой направилась в детскую, Лайла вслед за остальными женщинами прошла в уютную гостиную с мягким персидским ковром в серых и абрикосовых тонах. Кейт принесла поднос с чайным сервизом и тарелками с сэндвичами и спелой клубникой.

Лайла остановилась у вазы из флинтгласа, чтобы вдохнуть аромат лизиантуса, похожего на голубые розы. Проводя ладонью по изогнутой спинке дивана, она удивилась, увидев вязаный шерстяной плед.

Шеннон, появившаяся в гостиной, подошла к дивану и с почтительным видом погладила рукой изношенный выцветший плед.

— Мать Антонио связала его для него незадолго до своей гибели. — Она подняла на Лайлу серо-голубые глаза, полные грусти. — Антонио был совсем еще ребенком, когда они с братьями покидали Сан-Ринальдо. Он рассказывал мне, что тогда этот плед был для него чем-то вроде щита.

Когда все они уселись в мягкие удобные кресла, Лайла представила себе трех мальчиков, которые, потеряв мать, бежали из родного дома под градом пуль. Ее бросило в дрожь, и она, обхватив себя руками, закрыла на мгновение глаза. За те четыре года, что она знала Карлоса, она даже не догадывалась, какую мрачную тайну хранит его прошлое.

Перебросив свои гладкие, собранные в хвост волосы через плечо, Элоиза положила ноги на скамеечку и, откусив кусочек сэндвича с креветками, произнесла с улыбкой:

— Поражает воображение, правда? Я до сих пор не могу привыкнуть ко всей этой истории.

Лайле захотелось узнать как можно больше о людях, которые станут семьей для ее ребенка.

— Энрике имел право тебя навещать, когда ты была ребенком?

— Мои родители никогда не заключали официального соглашения. Я видела своего отца всего один раз. — Элоиза наклонилась вперед, чтобы сделать глоток чая, и ее серебряное ожерелье ударилось о блюдо. — Мне было около семи лет, когда меня привезли сюда.

Взяв у Шеннон чашку с чаем, Лайла заметила:

— Получается, вы с ним давно не виделись.

Элоиза грустно улыбнулась:

— Когда мы с мамой летели сюда, я не знала, куда мы направляемся. Казалось, мы находились в воздухе целую вечность. Разумеется, в таком возрасте любая поездка кажется бесконечной.

Я не общалась с отцом, когда росла, но я понимаю, что от моего молчания зависела его безопасность и безопасность моих братьев.

— А с братьями ты встречалась во время своего визита? — спросила Лайла, потягивая чай с мятой.

— Дуарте и Антонио были здесь, — ответила Элоиза. — Карлос в то время проходил курс реабилитации.

Руки Лайлы задрожали. Испугавшись, что уронит чашку, она поставила ее на стол и взяла маленький сэндвич с сыром из козьего молока и кресс-салатом.

— Должно быть, все путешествие показалось тебе странным.

— Еще каким, — улыбнулась Элоиза, пробуя клубнику. — К тому времени моя мать вышла замуж и родила еще одного ребенка.

— Как твой отчим отнесся к вашей поездке?

— До недавних пор он не знал о ней, равно как и о существовании семьи Медина.

Сняв дорогие туфли, Шеннон поджала под себя ноги:

— Тот день, когда в Интернете появилось разоблачение, определенно стал одним из самых знаменательных в моей жизни.

Этот разговор по душам вызвал у Лайлы странное чувство. У нее очень мало друзей, с которыми она может откровенничать.

— Когда коллеги Карлоса узнали правду, вся больница стояла на ушах из-за того, что один из наших хирургов вел двойную жизнь.

Элоиза небрежно махнула рукой:

— Вся эта история с разоблачением уже в прошлом. — Она подмигнула Кейт, которая, будучи фотожурналисткой, заваривала всю эту кашу. — Я хочу рассказать вам о моем приезде сюда, когда мне было семь лет. Это было удивительное событие. А может, мне казалось тогда, когда я смотрела на мир через призму детского идеализма. Мы все гуляли по пляжу и собирали ракушки. Он... — Она прокашлялась. — Энрике рассказал мне историю о белке, которая могла путешествовать куда захочет, бегая по телефонным линиям.

Лайла взяла ее за руку:

— Какое чудесное воспоминание.

Услышат ли внуки Энрике Медины — дети Элоизы и Лайлы — эту же самую историю от их бабушки? У Лайлы в голове не укладывалось, как человек, рассказывающий такие замечательные истории, мог пренебрегать своим ребенком. Впрочем, его старший сын с такой же легкостью выбросил ее из своей жизни несколько месяцев назад. Научился ли Карлос этому у своего отца? Может ли это повториться в будущем, несмотря на то, каким откровенным он был сегодня утром на кухне?

Юрист внутри ее говорил, что она должна защитить себя и своего малыша от семьи с неограниченными финансовыми возможностями. Столь могущественные люди не отдают то,

что принадлежит им. Когда Карлос получит доказательства того, что он отец ее ребенка, он заявит о своих правах на него. Будет ли он пытаться получить право опеки над малышом, если она откажется выйти за него замуж? Сможет ли она отбросить свои страхи и согласиться на брак по расчету?

Карлос вел внедорожник по двухполосной мощеной дороге. Дуарте сидел рядом с ним, а Антонио сзади. Еще несколько минут, и они окажутся в больнице, где умирает их отец. Он думал, что подготовился к этому дню, но ошибся.

В последнее время он часто ошибался. Например, когда думал, что Лайла ухватится за возможность выйти за него замуж. Разочарование, вызванное ее отказом, еще не прошло. Он чувствовал, как время ускользает. Если он в ближайшее время не устроит свою жизнь, другого шанса с Лайлой у него не будет.

Положив руки на спинки передних сидений, Антонио подался вперед:

— Не хочешь все мне рассказать, Карлос?

Его пальцы крепче вцепились в руль.

— О чем?

— Не притворяйся, будто не понимаешь. Я говорю о женщине, которую ты привез с собой. Кто она?

— Мы с Лайлой вместе работаем. Она администратор больницы.

— Юрист? — произнес Дуарте циничным тоном, вывесив руку из открытого окна.

Антонио фыркнул:

— Чья бы корова мычала, а твоя молчала, братец. Ты обручен с репортершей, забыл?

Его невеста Кейт разоблачила Медину с помощью случайно сделанной ею фотографии. По иронии судьбы этот снимок свел их с Дуарте вместе. Сейчас Кейт контролирует общение семьи с прессой.

Их младший брат рассмеялся:

— Репортерша, фотожурналистка — какая разница?

Карлос завернул за угол, и перед ними показалось одноэтажное белое здание с красной черепичной крышей. У больницы было два крыла. Она походила на большую птицу, севшую на зеленую лужайку. В одном крыле были кабинеты специалистов, в другом — лаборатория, процедурные и стационар. В этой больнице лечились не только Медина, но и люди, работающие в маленьком островном королевстве. В основном это были те, кто сбежал с Сан-Ринальдо, и их родственники. Энрике настоял на том, чтобы в том месте, где его сыну пришлось провести большую часть юности, было все самое лучшее. Карлос знал каждый уголок этой больницы.

— Не обращай внимания на Антонио, — сказал Дуарте. — Я рад за тебя, брат.

Остановившись перед входом, Карлос поочередно посмотрел на своих братьев:

— Не спешите с поздравлениями. Мне все еще нужно убедить ее стать моей женой.

Убрав ключи в карман, Карлос выбрался из машины. Охранники приветственно кивнули, не сходя с места. Двери раздвинулись, и в воздухе запахло антисептиком.

Антонио сказал, в какой палате лежит отец, но Карлос сам догадался, судя по вооруженным телохранителям, стоящим перед одной из дверей. Безопасность для Энрике всегда была приоритетом. Ничего не изменилось даже сейчас, когда он находится на смертном одре.

Дуарте остановил Карлоса, положив руку ему на плечо:

— Мы подождем тебя здесь, чтобы ты смог побыть с ним наедине. Когда наговоритесь, позови нас.

У Карлоса сдавило горло от эмоций, и он смог лишь кивнуть в ответ, после чего собрался с духом и вошел в палату.

Бывший король Сан-Ринальдо не требовал для себя ничего, кроме безопасности и уединения. В его палате не было ни цветов, ни воздушных шариков, которые добавили бы немного красок в это стерильное пространство. Только всевозможные аппараты и капельницы, с которыми Карлос был слишком хорошо знаком.

Энрике Медина лежал на кровати. На нем была пижама с орнаментом пейсли. Он был небрит. Одно лишь это указывало на то, как серьезно он болен. Даже живя в изоляции, бывший монарх всегда за собой ухаживал. С тех пор как Карлос был здесь на свадьбе Антонио два месяца назад, его отец заметно похудел. Тогда у него не было настроения веселиться, потому что незадолго до этого он переспал с Лайлой и был недоволен собой. Он исполнил семейный долг, после чего сразу же уехал домой, сославшись на занятость.

— *Mi hijo* [1], — вздохнув, пробормотал Энрике и поправил пластиковые трубки, подающие кислород ему в нос. Его голос был еле слышным. Куда подевался тот зычный властный голос, которым он обычно разговаривал?

— *Padre* [2]. — Карлос без труда переключился на испанский. Энрике всегда разговаривал со своими сыновьями на их родном языке.

Карлос взял историю болезни отца, прикрепленную к кровати, и пролистал ее.

— Слышал, что ты отказываешься от операции. Что это за чушь?

— Я не переживу операцию. — Энрике небрежно махнул рукой, и трубка от капельницы ударилась о стойку. — Я не хочу подвергать риску кого бы то ни было, особенно одного из своих детей, ради призрачного шанса.

Отвлечшись от неутешительных данных, Карлос встретился взглядом со своим отцом:

— Ты нас покидаешь?

— Ты врач, — произнес Энрике с гордостью, какой Карлос никогда не слышал в его голосе. Отец злился на своих сыновей за то, что они покинули безопасный остров и отправились в большой мир, где на них в любой момент могли совершить покушение. — Ты читал мою карту и знаешь, как я слаб. У меня нет желания продолжать борьбу.

Карлос вернул карту на место, чтобы в отчаянии не запустить ею в стену.

— Послушай меня, папа, — решительно начал он. — Когда я попросил тебя положить конец моим страданиям, ты отказался. Напротив, ты нанял еще больше персонала для ухода за мной. Ты покупал лучшие лекарства и новейшее оборудование, чтобы сохранить мне жизнь, а затем поставить меня на ноги.

Воспоминания, которые Карлос старался держать в самом дальнем уголке своей памяти, обрушились на него со страшной силой. Он вспомнил долгие месяцы, что пролежал на вытяжке, многочисленные операции по замене одних металлических штифтов и стержней на другие по мере того, как он рос. И постоянную боль, которую ему было бы легче переносить, если бы не жалость на лицах тех, кто о нем заботился. Именно поэтому он настоял на том, чтобы в свободное от процедур время его оставляли одного.

— Поэтому сейчас я скажу тебе то, что ты сказал мне здесь однажды. — Низко наклонившись, он, глядя отцу в глаза, произнес: — Ты не сдашься. Медина не сдается.

Энрике даже глазом не моргнул:

— От меня ничего не зависит.

— *Idiota*, — не выдержал Карлос и, резко повернувшись, чуть не потерял равновесие. Чтобы не упасть, ему пришлось вцепиться в спинку кровати.

— Карлос, — рассердился пожилой мужчина, — как ты смеешь грубить мне, своему отцу и главе семьи?

— Судя по твоим планам, через несколько дней главой этой семьи стану я. Поэтому ты не вправе мне запрещать говорить то, что я хочу.

Его отец одобрительно кивнул:

— С годами ты стал сильнее.

— Тогда я такой же, как ты.

— На самом деле кто в нашей семье и был по-настоящему сильным, так это твоя мать. Но даже она не могла меня заставить изменить мое решение.

Упоминание о трагически погибшей матери лишило Карлоса остатков самообладания.

— То, что ты планируешь сейчас, ничуть не лучше того, что ты планировал тогда.

— Сейчас у меня та же самая цель, что была тогда. — Голос Энрике сломался. — Я хочу защитить своих детей.

Карлос мертвой хваткой вцепился в спинку кровати:

— Тогда не заставляй нас преждевременно хоронить еще одного родителя.

Лицо Энрике стало бледнее мела. Карлосу не хотелось причинять отцу боль, но, черт побери, он использует любые средства, чтобы заставить того согласиться на трансплантацию.

Неожиданно ему в голову пришла одна идея, которая вернет его отцу желание жить, а ему

поможет удержать Лайлу. Манипулировать людьми, конечно, нехорошо, но что еще ему остается делать в этой ситуации?

— Соглашайся на операцию, и ты познакомишься со своим внуком. Своим наследником.

На изможденном лице Энрике промелькнуло сожаление.

— Элоиза...

— Я говорю не о ее ребенке, — перебил его Карлос. — Чтобы его увидеть, тебе придется продержаться дольше, чем несколько недель. — Глубоко вдохнув, он приготовился к последнему шагу. Сделать его оказалось проще, чем он ожидал. — Я привез кое-кого с собой на остров, чтобы познакомить с тобой. Ее зовут Лайла. У нас с ней будет ребенок.

Глаза короля наполнились печалью.

— Сынок, я не настолько болен, чтобы забыть диагноз, который поставили тебе врачи.

— Врачи могут ошибаться в своих пессимистических прогнозах. — В любом случае он намерен воспитывать этого ребенка как своего собственного. — Я и мой будущий ребенок живое тому подтверждение.

вернуться

1

Мой сын (исп.).

вернуться

2

Отец (исп.).2

Ему лишь осталось убедить Лайлу выйти за него замуж.

Глаза его отца расширились, затем увлажнились. Карлос злился на себя за то, что потерял над собой контроль. На этом острове, в этой больнице ему трудно сдерживать свои эмоции, свою боль.

Как бы ему ни хотелось забыться сегодня ночью в объятиях Лайлы, он не может рисковать. Когда он придет к ней в следующий раз, у него должен быть наготове четко продуманный план. Если она застанет его врасплох сейчас, он сгорит дотла.

Глава 10

Лайла резко приподнялась в постели. Темную комнату освещали только бледные лунные лучи, проникающие сквозь занавески. Она не поняла, что ее разбудило. Возможно, дело было в том, что во сне ее воображение слишком ярко нарисовало Карлоса и его братьев, убегавших от пуль мятежников. Ночную тишину нарушал только плеск волн. Она погладила себя по животу, словно извиняясь перед своим малышом за то, что потревожила его.

Свесив ноги с высокой кровати, она нащупала ими мягкие тапочки. Когда ее глаза начали привыкать к темноте, она встала. Остатки сна рассеялись. Где сейчас Карлос? В своей спальне? Или, может, он в комнате, расположенной по другую сторону от гостиной? Вчера она не смогла обсудить с ним то, что узнала от Элоизы. Он и его братья допоздна задержались в больнице. Антонио позвонил Шеннон, и та передала последние новости остальным. Лайла сначала немного обиделась на Карлоса за то, что он не позвонил ей, но затем мысленно отругала себя за свой эгоизм. Они прилетели на остров не ради удовольствия. Жизнь его отца висит на волоске.

Все же он мог пожелать ей спокойной ночи, когда вернулся.

Включив бра, Лайла надела белый велюровый халат и осмотрелась по сторонам. В этой комнате, как и во всем крыле Карлоса, была более строгая обстановка, чем в остальной части особняка. В интерьере с преобладанием бордовых и коричневых тонов нет никаких излишеств. Он отражает характер владельца этой части дома.

Направляясь в гостиную, Лайла почувствовала, что пол под ее ногами слегка гудит, как от монотонного шума. Тогда она открыла дверь и прислушалась. Из восточного крыла доносились звуки рояля.

Заинтригованная, она вышла в коридор и, кивнув охраннику, пошла на звук. Кто-то в этой семье довольно хорошо играет на рояле. Кажется, Шеннон упоминала, что когда-то брала уроки музыки. Наверное, она не может уснуть. Лайла составит ей компанию. Они поговорят, или Лайла просто послушает музыку.

Пройдя по изогнутому коридору, Лайла спустилась вниз и остановилась у приоткрытой двери в комнату для музицирования, которую ей показали несколькими часами ранее. Заглянув внутрь, она снова увидела просторное помещение с кессонами на потолке. Хрустальные канделябры отбрасывали причудливые тени.

Она устремила взгляд на рояль и, к своему изумлению, увидела за ним вовсе не Шеннон, а Карлоса. Он сидел на простой черной скамейке, склонившись над клавишами. Его пиджак и галстук висели на стоящей рядом арфе. Судя по всему, он еще не ложился спать.

Его красивые черты были напряжены. Длинные пальцы бегали по клавишам, создавая мелодию, исполненную страсти и душевной муки.

На глаза Лайлы навернулись слезы. Она тихо прошла в комнату и остановилась в затененном углу у витража. Сейчас она чувствовала себя ближе к этому человеку, чем когда-либо. Между ними не было никаких барьеров. Его боль изливалась наружу с каждой нотой, передаваясь ей. Она еле дышала, боясь нарушить гармонию.

Прозвучал финальный аккорд, и руки Карлоса остановились. Сердце Лайлы подпрыгнуло в груди. Медленно повернув голову, он посмотрел на нее через плечо:

— Прости, что потревожил тебя. Ты так крепко спала, когда я к тебе заглянул.

Он заходил к ней в комнату? Как долго он за ней наблюдал? Он беспокоился о ней. Заглянул к ней вместо того, чтобы сразу пойти спать. Значит, она ему небезразлична. Эта мысль согрела ей сердце.

Лайла медленно сократила расстояние между ними.

— Ты меня не потревожил. Я не спала, — солгала она, проведя ладонью по изогнутому краю музыкального инструмента. — Почему ты никогда не упоминал, что играешь на рояле?

Он повернулся на деревянной скамейке:

— Не было подходящего случая. Я не очень словоохотлив.

— Это преуменьшение, — произнесла она, пристально глядя на него.

— Что ты хочешь знать, Лайла?

— Кто твой любимый композитор?

— И все? Это и есть твой важный вопрос? — рассмеялся он.

— Лишь первый из вопросов.

— Рахманинов.

— И ты выбрал его сейчас, потому что... — Обогнув рояль, она подошла к нему.

— Моя мать играла его музыку, когда злилась или была расстроена. — Его пальцы забежали по клавишам. — Когда я играю на рояле, я слышу ее голос.

От его ответа у нее перехватило дыхание. Непривычно слышать от такого сурового мужчины столь трогательные вещи.

Лайла села рядом с ним:

— Это прекрасно, Карлос. И душераздирающе.

— Если ты продолжишь отвечать подобным образом, я перестану с тобой откровенничать. Или, может, поиграем в игру, в которой за каждый выданный мной секрет ты будешь снимать с себя один предмет одежды?

Она накрыла его руки своими, и пальцы замерли на клавишах.

— Или оставим игры для другого раза, и ты просто скажешь мне, что тебя тревожит. Как дела у твоего отца?

— Его состояние не изменилось.

Безусловно, он расстроен из-за болезни своего отца, но его мучает не только это. Что-то заставило его сесть за рояль посреди ночи. Она могла бы проигнорировать это и провести остаток ночи в его объятиях, но ей нужно узнать больше о человеке, с которым она, возможно, свяжет свою жизнь.

Эта мысль повергла ее в шок. Да, она действительно обдумывает предложение Карлоса, и ей нужно получить подтверждение тому, что она может доверять чувствам, которые зарождаются в ее сердце. Но ей нужно действовать очень осторожно. Если она совершит оплошность, то Карлос может еще сильнее замкнуться в себе.

— Ты думаешь о своей матери? — спросила она.

— Она была художником во многих смыслах этого слова. Она играла на рояле, готовила как заправский повар, при этом утверждая, что научилась этому, наблюдая за своей матерью. Еще она вязала, хотя могла себе позволить купить все что угодно.

В его низком рокочущем голосе слышались ностальгические нотки. Очевидно, он очень дорожит этими воспоминаниями. Сердце Лайлы болезненно сжалось.

— Похоже, она была очень талантливой и занятой женщиной.

— Занятой? — Его брови сошлись на переносице. — Мне никогда не приходило это в голову, поскольку она была спокойной и никогда никуда не торопилась. Впрочем, наверное, ты права. Она не любила сидеть без дела.

Лайла переплела свои пальцы с его:

— Сколько лет тебе было, когда она погибла?

— Тринадцать. — Он сжал ее руку. Черты его лица слегка напряглись. — Я предпочитаю вспоминать, как она жила, а не как умерла.

Она положила ладонь ему на щеку и принялась легонько ее поглаживать.

— Уверена, она бы хотела, чтобы ты дорожил этими счастливыми воспоминаниями.

В комнате повисла тишина. Ее нарушало только их дыхание.

Горло Карлоса дернулось, прежде чем он заговорил снова:

— Я играю на рояле, чтобы ее образ, хранящийся в моей памяти, не померк со временем. У нас нет домашнего видео. Семейных фотографий сохранилось очень мало.

Возможно, именно поэтому в его доме, в рабочем кабинете и даже здесь, в его крыле, спартанская обстановка.

— Твой брат сегодня упомянул о том, что в тебя стреляли. Значит, никакого падения с лошади не было.

Карлос покачал головой:

— Не было. Представляю, как ты была потрясена, когда узнала правду.

— Не хочешь рассказать мне, что произошло?

— Ты могла бы почитать медицинскую карту, — пошутил он.

— Я не стала бы злоупотреблять твоим доверием, — серьезно ответила Лайла.

— О, Лайла. — Кончиками пальцев он приподнял ее подбородок. — Именно поэтому ты мне нравишься. Поверь мне, я не бросаюсь подобными словами.

— В таком случае спасибо. — Она прильнула щекой к его ладони. — Ты мне тоже нравишься. Во всяком случае, большую часть времени. Помогите мне лучше тебя понять, чтобы ты понравился мне еще больше.

Отвернувшись, он уставился на рояль.

— В меня стреляли мятежники во время нашего побега с Сан-Ринальдо.

— Мне очень жаль. Даже представить себе не могу, какую боль ты тогда испытал.

Его пальцы задвигались по клавишам, не нажимая их.

— Не большую, чем те несчастные дети, которых я оперирую. Я пытался спасти свою мать, но мне это не удалось. Если бы я отошел чуть дальше влево... Я много раз прокручивал в голове события той ночи. Я столько всего мог предпринять, чтобы ее спасти...

Лайла коснулась его руки. Ее сердце болело за мальчика, пережившего семейную трагедию и едва не погибшего, и за мужчину, которым он стал.

— Тебе было всего тринадцать.

— В то время я уже считал себя мужчиной. — Он посмотрел на нее.

— Должно быть, в тот день ты стал намного старше.

— Перестань. Мне не нужна твоя жалость, и я больше не хочу об этом говорить.

Она положила ладони ему на грудь и почувствовала, как бьется его сердце.

— Как я могу, узнав о тебе такое, оставаться равнодушной?

Последние барьеры, которыми она окружила свое сердце, рухнули. Карлос привлек ее к себе, и тепло его тела проникло через ее одежду, через ее кожу внутрь ее и устремилось вниз, к средоточию ее женского естества.

— В таком случае мне придется тебя отвлечь.

Карлос медленно накрыл ее губы своими. Это был поцелуй любовников, которые хорошо друг друга знают и умеют доставлять друг другу наслаждение.

Как может мужчина так хорошо знать ее тело и в то же время оставаться для нее загадкой? Сегодня она узнала о нем больше, чем за предыдущие четыре года. Они сделали большой шаг вперед.

Она по-прежнему не знает, что заставило Карлоса сделать ей предложение руки и сердца, но прямо сейчас ей хочется сосредоточиться на своих чувствах. Ее сердце болит за него. Она не должна позволять этому ее ослепить, но не может оставаться в стороне.

Спустив с ее плеча халат и ночную рубашку, Карлос накрыл ладонью ее грудь и принялся покрывать поцелуями шею и ключицу.

В отличие от него она не умеет подавлять бушующие внутри ее эмоции. Им необходимо дать выход. Что бы ни готовил для нее завтрашний день, она не может оставлять его сейчас наедине с мучительными воспоминаниями.

— Думаю, нам лучше запереть дверь, — простонала она.

Охваченный желанием, Карлос открыл панель безопасности в стене у двери. Подобная есть в

каждой комнате в доме. С ее помощью можно закрыть все двери и окна и защититься от вторжения извне. В то время как его отец заботился о безопасности своих детей, у Карлоса было на уме совсем другое.

Быстро набрав нужный код, он закрыл дверь и ставни на окнах. Помещение стало похоже на роскошный непроницаемый кокон.

Лайла, сидящая на краю скамьи, ахнула от изумления:

— Никто не может сюда проникнуть?

— Это мой дом, мои владения, — сказал Карлос, возвращаясь к ней. — Нам никто не помешает. Нас никто не увидит. Я бы не стал подвергать тебя риску. Я всегда буду тебя защищать.

Вечер, который он провел за разговором с отцом и братьями, был мучительно долгим. В жизни семьи Медина есть пустота, которую ничто не может заполнить. И виноват в этом он, потому что не смог защитить свою мать. Умом он, конечно, понимает, что, будучи тринадцатилетним подростком, не мог в одиночку противостоять группе мятежников, но все же ему следовало попытаться что-нибудь предпринять. Действуй он по-другому, возможно, ему удалось бы ее спасти. Он много лет жил с этой мыслью, пряча боль в глубине своего сердца, но сегодня вечером воспоминания разбередили старые раны. Сейчас ему как никогда нужно забыться, и лучше всего сделать это в объятиях Лайлы.

Поднявшись, она повернулась к нему лицом. Ее руки легли ему на плечи, и он схватился за подол ее ночной рубашки. Когда ее зрачки расширились от желания, он потянул рубашку вверх, стащил ее с Лайлы и отшвырнул. Она промелькнула в воздухе как белый флаг перемирия, но не капитуляции.

Лайла неподвижно стояла перед ним, такая прекрасная в своей наготе, которую нарушали лишь маленькие трусики. Когда он потянулся к ней, его руки слегка задрожали. Невероятно! Он сохраняет ледяное спокойствие даже во время самых сложных и длительных операций. Ничто не способно нанести столь сокрушительный удар по его самообладанию, как обнаженное тело Лайлы, ее кремовая кожа, которая так и манит к ней прикоснуться. И вся эта красота предназначена только для его рук, его глаз.

Собственническое чувство, поселившееся в нем недавно, глубже пустило свои корни, и Карлос понял, что ему никогда от него не избавиться. В этот момент ему вдруг стало важно, чтобы она была так же поглощена этим желанием, как и он.

Накрыв ладонями ее плечи, он слегка нажал на них и посадил ее, а затем уложил на скамейку. Ее глаза стали огромными как блюдца. Раздвинув ей ноги, он нежно погладил руками внутреннюю сторону ее бедер, а затем принялся медленно покрывать их поцелуями. Ее томные вздохи подбадривали и возбуждали его.

Наконец Карлос достиг заветного уголка ее тела, от которого его отделяли лишь тонкие шелковые трусики. Он зарылся в них лицом. С каждым сделанным им вдохом его наполнял ее волнующий запах, которым ему хотелось наслаждаться снова и снова. Когда и этого ему стало мало, он стянул с нее трусики и приник губами к нежной складке между ее бедер. Ее спина выгнулась дугой, и она застонала, прося поцеловать ее глубже. Тогда он просунул руки ей под колени, привлек ее ближе к себе и внял ее мольбам. Лайла с такой силой вцепилась ногтями в его спину, что на его коже наверняка останутся красные отметины в виде маленьких полумесяцев. Ее дыхание стало тяжелым и учащенным.

— Сделай это прямо сейчас, — простионала она, схватившись за его волосы. — Я хочу почувствовать тебя внутри себя.

Карлосу не нужно было повторять дважды.

— К счастью для нас обоих, в данный момент я больше всего хочу оказаться внутри тебя.

Поцеловав влажные лепестки еще раз, он опустил ее ноги и бросил на нее мимолетный взгляд. Ее глаза расширились, щеки разругмянились, длинные золотисто-каштановые волосы рассыпались по скамье. Она никогда еще не была такой красивой.

Лайла снова выгнулась дугой, и он, схватив ее за талию, приподнял и усадил на клавиши рояля, которые издали резкий звук. Она неистово вцепилась в его брюки, рывком расстегнула молнию и освободила его восставшую плоть. Тогда он, опершись рукой о рояль, приподнял ее бедра и вошел в нее. Ее влажное тепло сомкнулось вокруг него, длинные ноги обхватили его тело.

Он задвигался быстрее, и она подхватила его ритм. Их вздохи и стоны вместе с нестройными звуками рояля стали своеобразным аккомпанементом для этого танца страсти. В объятиях Лайлы он унесся из этой комнаты, с этого острова, от мучительных воспоминаний, которые атаковали его со всех сторон. Лаская ее гладкое стройное тело, он понял, как сильно заблуждался, думая, что, отдалившись от нее, сможет убежать от прошлого. Напротив, сейчас, когда они так близки, что ближе уже невозможно, воспоминания поблекли. Если он останется с ней, возможно, ему удастся загнать их в самый отдаленный уголок своей памяти.

Она все плотнее смыкалась вокруг него по мере того, как напряжение нарастало. Наконец она задрожала, ее голова запрокинулась, и ее восторженный крик разнесся эхом по просторному помещению с куполообразным потолком. Когда Карлос услышал его, внутри его рухнул последний барьер. Сделав финальный рывок, он затрясся в экстазе освобождения.

После того как они оба немного отдышались, он, крепко прижав Лайлу к себе, опустился вместе с ней на скамью, так что она оказалась у него на коленях. Он гладил ее по волосам, шептал, как ему с ней хорошо. В нем проснулся дар красноречия, о существовании которого он даже не подозревал.

Ощущать ее рядом с собой, вдыхать запах ее разгоряченной кожи было так... правильно. Его ладони заскользили по ее плечам, бокам, бедрам, затем начали подниматься вверх. Он обнаружил, что ее живот слегка округлился. Будучи медиком, он знал обо всех изменениях, которые будут происходить с телом Лайлы на разных сроках беременности, но впервые почувствовал себя не сторонним наблюдателем, а участником такого чуда, как зарождение и развитие новой жизни.

Отцом.

Внутри его что-то пошевелилось, когда он накрыл ладонью ее живот. Почувствовав на себе ее взгляд, он поднял глаза. Она выглядела такой хрупкой, такой ранимой, его подруга, его любовница, мать его будущего ребенка. Он понял, что не может позволить ей уйти, когда так отчаянно в ней нуждается.

Он будет делать что угодно, говорить что угодно, притворяться таким мужчиной, какой ей нужен, если это убедит ее остаться.

Глава 11

Лайла лежала в огромной мраморной ванне, прижавшись спиной к груди Карлоса. Вокруг них плавали лепестки роз, наполняя воздух нежным ароматом. Она никогда прежде не бывала в доме, в котором на каждом углу были бы живые цветы.

На серебряном подносе рядом с ванной стояли два стакана для бренди, наполненные молоком. Карлос сказал, что раз ей сейчас нельзя употреблять алкоголь, он тоже от него воздержится. Почему-то это доставило ей удовольствие.

Они занимались любовью в комнате для музицирования, затем в ее спальне, после чего перебрались в ванную. Ее осторожное сердце говорило ей, что, возможно, ей следует довериться тому, что между ними происходит. Кажется, он справился с тем, что заставило его сбежать от нее после их первой ночи. На плечах Карлоса лежит тяжелое бремя прошлого, но он, по крайней мере, начал о нем говорить. Его честность давала ей надежду на то, что их отношения не будут развиваться по тому же сценарию, что у ее родителей. Она поняла, что, если Карлос еще раз сделает ей предложение, она не сможет сказать ему «нет».

Карлос прикоснулся пальцем ноги к сенсорной панели под краном, и в остывающую ванну полилась горячая вода.

Что она сделала бы, если бы он предложил ей стать его женой сразу, как только она сообщила ему о ребенке? Ее рука сжала его колено. Хочется думать, что она послала бы его ко всем чертям после того, как он игнорировал ее два с лишним месяца. Ей необходимо подтверждение того, что он собирается на ней жениться не только из-за ребенка.

Проведя ладонью вверх по его ноге, она вытащила руку из воды и накрыла ею его пальцы, держащие стакан.

— Там за роялем ты был просто великолепен. — Ее пальцы принялись нежно поглаживать его кожу. — Ты отлично играешь.

— В годы моей юности между операциями у меня был небольшой выбор занятий. Отец специально сделал комнату для музицирования просторной и светлой, чтобы в ней я мог чувствовать себя как на свежем воздухе.

— Очевидно, ты много практиковался.

— Да, более чем достаточно. — Он поднес стакан к ее губам, и она сделала глоток молока. — В один жаркий июльский день мои братья привезли сюда из больницы инвалидные кресла. Они прибили к стене баскетбольную корзину и превратили комнату для музицирования в спортзал. Отец пришел в ужас, когда увидел, как мяч отскакивает от его любимых фресок.

Лайла непременно рассмеялась бы, если бы ее внимание не привлекло одно слово.

— Инвалидные кресла? Ты был в инвалидном кресле?

Он снова прикоснулся к сенсору и выключил воду.

— Да. В течение некоторого времени врачи не были уверены, смогу я снова ходить или нет.

— Как долго длилось то некоторое время?

— Прошло три года, прежде чем я снова встал на ноги. После этого мне в течение следующих семи лет сделали еще ряд операций. — Он поднял стакан и залпом осушил его.

— Карлос... — пролепетала она, потрясенная услышанным. — Я понятия не имела... — Лайла попыталась повернуться к нему лицом, чтобы выразить свое сочувствие, но он помешал ей, крепко прижав к себе.

Затем он поставил стакан на пол и положил ладонь ей на живот:

— Давай поговорим о чем-нибудь другом. Ты много узнала о моем прошлом. Может, теперь расскажешь о себе?

— Мы не можем снимать по предмету одежды за выданный секрет, потому что на нас обоих ничего нет.

— У меня есть много других замечательных идей. — Он опустил руку под воду и просунул ее между ног Лайлы для интимной ласки.

Он опять сменил тему, но его пальцы касались ее так нежно и умело, что она не стала противиться. Повернув голову, она поцеловала его в подбородок:

— Что ты хочешь узнать?

Мягко рассмеявшись, он снова переместил руку на ее живот:

— Кого ты больше хочешь — мальчика или девочку?

Впервые за все время их отношений Лайлу так обрадовала смена темы. Наконец-то он заговорил с ней об их ребенке, да еще в такой обстановке.

— Не знаю, я еще не думала об этом, — ответила она, накрыв его ладонь своей.

— Ты будешь узнавать пол ребенка или пусть это останется сюрпризом?

— По правде говоря, пол ребенка не имеет для меня значения. А ты, наверное, надеешься, что будет мальчик?

Вчера Карлос сказал ей, что хочет, чтобы ребенок был его. Похоже, он наконец осознал, что может стать отцом. Теперь она понимала, почему он был настроен так скептически, когда она сказала ему о своей беременности. Знай она с самого начала, через что ему пришлось пройти в юности, она не стала бы его оскорблять.

— У меня тоже нет предпочтений. Главное, чтобы ребенок родился здоровым.

— Тут я с тобой согласна. — Она провела рукой по воде, после чего снова положила ее поверх его руки. — А в отношении имен у тебя есть предпочтения?

— Медина обычно дают своим детям имена, которые уже есть на их фамильном древе.

— Твою мать звали Беатрис, не так ли? — осторожно спросила она.

— Ей не очень нравилось ее имя. Она считала его старомодным, но мне оно нравится.

— Какие мужские имена носили твои предки?

— Их полно, так что у нас будет богатый выбор.

У нас? Ее сердце учащенно забилося.

— Нам придется составить список.

— А как насчет твоей семьи? — Убрав с ее лица прядь волос, он поцеловал ее в висок. — Ты не хочешь назвать ребенка в честь кого-нибудь из твоих родственников?

Внезапно вода стала холодной.

— Нет, вряд ли. — Лайла выдернула ногой пробку из ванны, чтобы слить немного воды, после чего включила горячую. — Мои братья намного старше меня. Мы с ними поддерживаем связь, но наши отношения нельзя назвать близкими. Мы общаемся по электронной почте, звоним друг другу на праздники. Я стараюсь приезжать на дни рождения своих племянников и племянниц. Но мы не собираемся всей семьей на Рождество, не проводим вместе отпуска.

— Ты уже сообщила своим родным о ребенке?

— У моих родителей сейчас пятнадцатый медовый месяц.

— Пятнадцатая годовщина свадьбы? Я не знал, что у тебя мачеха или отчим.

— Ты неправильно понял. — Ей был неприятен этот разговор, но она должна отплатить ему откровенностью за откровенность. — Они оба мои биологические родители, и это их пятнадцатый медовый месяц, а не пятнадцатая годовщина свадьбы. Ты, наверное, слышал о парах, которые устраивают себе еще один медовый месяц, когда в их отношениях наступает кризис. Так вот, у моих родителей сейчас очередное примирение.

— Похоже, за годы их брака они здорово потрепали друг другу нервы.

— Это мягко сказано. — Выпрямившись, Лайла обхватила руками колени, — Отец изменяет матери. Она узнает об этом и страдает. Чтобы загладить свою вину, он приглашает ее в романтическое путешествие. Их отношения налаживаются до его нового похода на сторону. Тогда цикл повторяется.

Сильные руки Карлоса крепко обхватили ее.

— Они причинили тебе боль.

— Да, раньше я переживала, но сейчас все это на меня почти уже не действует. — Она прижалась щекой к его плечу. — Когда речь идет о моих родителях, меня ничто уже не удивляет.

— Значит, вот почему ты так расстроилась, когда столкнулась с Нэнси в моей приемной.

— Не забывай про аэропорт.

Выключив воду, Карлос схватил Лайлу за руки, поднялся вместе с ней и, развернув ее к себе лицом, посмотрел ей в глаза:

— Я приглашал Нэнси на свидания, но ни разу с ней не спал. Ты не давала мне это сделать.

— Что ты имеешь в виду?

Карлос накрыл ее хрупкие плечи своими большими ладонями:

— Нэнси привлекательная женщина, но мне с ней было скучно, потому что она не ты.

— Ты говоришь это только для того, чтобы втереться ко мне в доверие.

Вот только ей непонятно, почему он продолжает так усердствовать. Ведь они уже снова спят вместе.

— Мне жаль, что твой отец своим возмутительным поведением лишил тебя доверия ко всем мужчинам.

Его слова разбредили ее старую рану. Схватив полотенце, она начала оборачивать его вокруг себя.

— Только не перекладывай всю вину на него. Она сунула ему в руки еще одно полотенце. — Это ты меня игнорировал после той вечеринки.

— Я думал, что так будет лучше для тебя. — Он обернул полотенце вокруг своих бедер.

— Ты имеешь в виду — проще для тебя.

Как мог этот разговор так быстро войти в неправильное русло? Почему она все портит? Боится взять счастье, когда оно почти уже у нее в руках?

— Давай все исправим и забудем о наших разногласиях. — Он снова схватил ее за плечи. — Забудь о тесте на отцовство. Я признаю этого ребенка своим и хочу, чтобы мы с тобой поженились. Завтра. Незачем тянуть время. Мы можем провести церемонию в палате моего отца.

Никакого теста на отцовство?

Он ей верит!

Наконец он произнес слова, которые она надеялась услышать с самого начала. Недоставало всего трех слов: «Я тебя люблю». Но ее отец обесценил слово «любовь». Карлос предложил ей то, что имеет для нее наибольшую ценность. Правду.

Собравшись с духом, она вложила свою руку в его:

— Звони священнику.

Когда эти слова сорвались с ее губ, она запретила себе думать об утре после их первой близости.

Проснувшись, Лайла потянулась к Карлосу и нежно прошептала его имя... но обнаружила только холодные простыни на его половине постели. Она могла бы подумать, что их безумная ночь страсти после благотворительного мероприятия была всего лишь сном, но ее внутренние мышцы приятно болели, а на подушке осталась пара темных волос.

Она сладко потянулась. Ее глаза начали привыкать к темноте, которую прорезали два бледных утренних луча. Пора вставать. Зимой в Такоме начинает светать около восьми.

Ступив босой ногой на холодный деревянный пол, она поморщилась и пошла искать подходящую одежду. Ее золотистое вечернее платье валялось в углу бесформенной кучей.

Это Карлос его туда зашвырнул. При виде его рубашки, свисающей с торшера, Лайла улыбнулась. Очевидно, она тоже разбросала его одежду по всей комнате в порыве страсти. Она взяла рубашку. Накрахмаленная белая ткань сохранила его запах, который пробудил в ней волнующие воспоминания.

Она нашла его на кухне, в которой была такая же скудная обстановка, как и в остальной части дома. Он стоял у плиты и жарил бекон. На нем была зеленая униформа хирурга, которая сидела так же идеально, как смокинг безупречного покроя. На рабочей поверхности рядом с плитой была еще одна сковорода и миска с жидким тестом.

Он повернулся к ней лицом. Когда она посмотрела на его бесстрастное лицо с холодными, ничего не выражающими глазами, ей стало не по себе. Он увидел ее в его рубашке и даже не улыбнулся. Не потянулся к ней.

— Хочешь есть? — спросил он, отвернувшись.

Ей хотелось сказать ему, чтобы он катился ко всем чертям. Вместо этого она произнесла:

— Думаю, мне лучше уйти.

Все же она помедлила, дала ему возможность сказать что-то более приятное. Но, к ее глубокому разочарованию, он просто открыл холодильник и достал оттуда пакет молока.

Очевидно, прошлая ночь ей приснилась и настало время просыпаться.

Потеряв всякую надежду уснуть, на рассвете Лайла осторожно поднялась с кровати, чтобы не разбудить Карлоса. Запустив руку в свою сумочку, лежащую на прикроватном столике, она достала оттуда свой мобильный телефон. Аромат роз, витающий в воздухе, напомнил ей о том, чем они с Карлосом занимались ночью в ванне. Ей безумно захотелось вернуться в постель и прижаться к нему, но она устояла перед искушением. Ей нужно сделать одно дело.

Пока она еще не вышла замуж, ей нужно позвонить родителям и поставить их в известность.

Выйдя на цыпочках из комнаты, Лайла тихо прикрыла дверь и, сев на банкетку в нише окна, тупо уставилась на дисплей телефона.

Она знала, что родители будут за нее рады, но медлила, прежде чем им позвонить. Она все еще не могла свыкнуться с тем, что собирается связать свою жизнь с мужчиной, который никогда бы на ней не женился, если бы она не забеременела.

Понимая, что никто другой за нее это не сделает, она нашла в списке контактов номер телефона матери и нажала кнопку вызова. Редкие гудки повторялись так долго, что она уже хотела дать отбой, как в трубке раздался сонный голос ее матери:

— Алло?

— Мама, это я.

— Лайла, дорогая, я так рада тебя слышать, — весело произнесла она, даже не возмущившись, что дочь ее разбудила. — Дай я позову твоего отца.

— Нет, мама, не нужно его беспокоить.

— Не будь глупой. Даррен, проснись! — Ее стало хуже слышно. Очевидно, она положила телефон и стала будить мужа. — Даррен, Лайла звонит.

Лайла услышала шуршание постельного белья и голос отца.

— Я его разбудила, — произнесла ее мать в трубку. — Включаю громкую связь.

— Доброе утро, дорогая, — пробормотал ее отец.

Лайла глубоко вдохнула, прежде чем сказать своим родителям то, что даже не надеялась им когда-либо сказать:

— Мама, папа, я выхожу замуж.

* * *

В день свадьбы Карлоса небо было затянуто облаками, но, как человек науки, он никогда не был суеверным.

Они с Лайлой стояли у кровати его отца в больничной палате. Его родственники собрались в углу. На время короткой церемонии пришлось закрыть глаза на правила, согласно которым в палате должно находиться не больше одного посетителя. Священник, стоящий у изножья кровати, выглядел немного смущенным, понимая, что за радостным событием в этой семье может сразу последовать печальное.

— Ты уверен, что хочешь это сделать? — спросил Энрике, приподнявшись на подушках.

Посмотрев на своего отца, Карлос понял, что тот обратился к Антонио. Младший сын короля будет его донором. Он отдаст ему долю своей печени. Спасет своего отца, что Карлос не способен сделать, несмотря на все свои ученые степени.

— Абсолютно уверен, — ответил Антонио.

Энрике взял с прикроватного столика карманные часы:

— Ты любил с ними играть, когда был ребенком. Я хочу, чтобы они были у тебя. Это мелочь по сравнению с тем щедрым подарком, который ты собираешься преподнести мне.

— Спасибо. Я буду хранить их у себя, пока ты не окрепнешь достаточно для того, чтобы ими пользоваться. — Тяжело сглотнув, Антонио взял у отца часы, после чего крепко его обнял. — Я часть тебя, папа, поэтому ты имеешь полное право на часть моей печени.

— Ты странный, но добрый мальчик. Я горжусь тобой. — Сделав судорожный вдох, король медленно продолжил: — Карлос, для тебя у меня тоже кое-что есть, *mi hijo*.

Энрике протянул ему черную бархатную коробочку. Карлосу не нужно было ее открывать, чтобы узнать, что лежит внутри. Там находится обручальное кольцо его матери с бриллиантом в платиновой оправе. Оно предназначается для жены старшего сына короля. Для Лайлы. Карлосу до сих пор не верилось, что она приняла его предложение.

Робкая надежда, которую он увидел в ее глазах, когда она сказала «да», заставила его почувствовать себя полным идиотом. Он не романтический герой, о котором мечтает любая женщина, и никогда им не станет. Но уже слишком поздно предупреждать об этом Лайлу. Их привязало друг к другу маленькое существо, которое растет внутри ее, и он сделает все

возможное для того, чтобы Лайла не поняла, как ей не повезло с мужем.

Взяв у отца коробочку, Карлос кивком дал священнику понять, что пора начинать церемонию.

Глава 12

Вращая платиновое кольцо с бриллиантом у себя на пальце, Лайла пыталась проанализировать все, что произошло за тридцать шесть часов после того, как они с Карлосом обменялись брачными клятвами. Сейчас она вместе со своими новыми родственниками измеряла шагами частную комнату ожидания в больнице Джексонвилла, куда Энрике перевезли для трансплантации.

Ее всегда возмущало, что богатые и известные люди пользуются привилегиями, даже когда дело касается медицинской помощи, но она понимала, что присутствие братьев Медина в общей комнате ожидания поставило бы на уши всю больницу. Признаться, сейчас она даже была рада, что им предоставили отдельную комнату. Ее нервы были на пределе. Работая администратором больницы, она часто видела людей, переживающих за своих родственников, которым предстояла серьезная операция, но сама до сих пор никогда не бывала на их месте.

Две ночи подряд они с Карлосом давали выход своему напряжению, занимаясь любовью в номере отеля. Им придется повременить с медовым месяцем. Сейчас главное, чтобы Энрике поправился.

Дверь открылась, и в комнату ожидания вышла Шеннон. Она сидела рядом с Антонио перед операцией.

— Энрике хочет тебя видеть.

Карлос, Дуарте и Элоиза одновременно встали со стульев.

— Нет. — Шеннон покачала головой. — Он хочет видеть Лайлу.

— Меня? — удивилась Лайла. — Ты уверена?

— Абсолютно, — ответила Шеннон, поправив заколку на своих светлых волосах.

Карлос бросил недоуменный взгляд на Лайлу, после чего ободряюще сжал ее руку. Поднявшись, она поправила платье. Когда она впервые встретилась с его отцом перед брачной церемонией в его палате, им было некогда познакомиться поближе.

Ее сердце болезненно сжалось, когда она осознала, что, возможно, это будет ее первый и единственный разговор с Энрике Мединой.

Собравшись с духом, она подошла ко входу в отделение интенсивной терапии и постучалась в дверь, за которой слышались приглушенные голоса и пиканье медицинского оборудования.

Через окошко Лайла видела тяжелобольного короля, возле которого дежурила медсестра. Заметив ее, он поднял руку и слабо помахал ей. Она вошла внутрь, и медсестра уступила ей место, пересев на стул у окошка.

— Шеннон сказала, что вы хотели меня видеть.

Лайла не знала, как ей называть короля. Теперь, когда они породнились, обращение «ваше величество» стало неуместным.

— Можешь называть меня папой, как делают мои мальчики, — произнес он, словно прочитав ее мысли. — Садись.

Услышав его приказ, Лайла сдержала улыбку. Теперь понятно, откуда у Карлоса взялась привычка командовать. Она послушно села на стул рядом с кроватью:

— О чем вы хотите со мной поговорить?

— Ты юрист. Взгляни вот на это. — Он указал ей на светло-коричневую папку, лежащую на прикроватном столике.

Открыв папку, Лайла смущенно пробормотала:

— Ваше завещание?

— Я хочу, чтобы ты его внимательно прочитала.

Прижав бумаги к груди, она посмотрела ему в глаза, пытаясь понять, почему он обратился именно к ней с этой просьбой.

— На вас, должно быть, работают лучшие юристы. Почему вы просите меня его просмотреть?

— Не беспокойся, я не впал в маразм, — ответил Энрике, криво улыбаясь. Несмотря на тяжелую болезнь, его взгляд был пронизательным.

— Карлос говорил, что у вас отличное чувство юмора. Теперь я сама в этом убедилась. — Она опустила папку. — Если вы этого хотите, я прочитаю завещание.

— Хочу. — Он решительно кивнул. — Прежде чем меня увезут в операционную, я хотел бы внести в него изменение.

В университете ее не учили вносить изменения в королевские завещания. В Такоме у нее тоже не было подобной практики.

— Я бы посоветовала вам воспользоваться услугами ваших нотариусов, которые гораздо лучше знакомы с вашей уникальной ситуацией.

— Ты не спросишь меня, что это за изменение?

— Вы мне расскажете, когда будете готовы. — Она достала из папки ручку и блокнот.

— Ты терпеливая женщина. Для жены Карлоса это необходимое качество. Теперь я могу быть за него спокоен.

— Мы все очень рады, что вы согласились на операцию.

— Карлос не оставил мне выбора, когда рассказал о ребенке, которого ты ждешь. Не думал, что когда-нибудь Карлос станет отцом. — Темные глаза Энрике затуманились. — Прогнозы врачей были неутешительными.

Внутри у Лайлы все упало. Он знает о ребенке? Они с Карлосом договорились, что все скажут его семье после операции. Может, она неправильно его поняла? Может, он хотел сообщить отцу до операции, а остальным потом?

Она очень надеялась, что неправильно все поняла, но сомнения оказались сильнее.

— Он сказал вам о ребенке, чтобы убедить вас согласиться на трансплантацию?

Король рассмеялся, затем закашлялся. Из уголка его глаза выкатилась слеза, и он смахнул ее.

— Должен признаться, я думал, что ничто не сможет меня убедить, но Карлос весь в меня. Он настоящий стратег. Прямо Макиавелли. Сейчас мы впишем вашего ребенка в мое завещание, хотя я надеюсь, что переживу операцию.

Карлос не упомянул о том, что это он повлиял на решение Энрике. Если бы он сказал ей, что единственный шанс уговорить отца на трансплантацию — это сообщить ему о ребенке, она бы закрыла глаза на то, что он ее использует.

По пути на остров она гадала, что Карлосу от нее нужно. Теперь она точно знает. Слова Энрике лишили ее надежды. Карлос женился на ней только для того, чтобы вернуть своему отцу радость жизни. Чтобы заставить его согласиться на операцию.

Видимо, она не сильно отличается от своей матери. Несмотря на все клятвы, данные самой себе, она позволила своим чувствам к Карлосу ослепить ее. Ее сердце раздирали боль и обида, но она не могла отрицать, что любит Карлоса Медину. Своего мужа. Отца своего ребенка.

Точно так же она не могла отрицать, что их брак ненастоящий.

* * *

Девять часов спустя Карлос облегченно откинулся на спинку своего стула после того, как хирурги, оперировавшие его отца, покинули комнату ожидания. Состояние Энрике и Антонио было стабильным. Элоиза расплакалась от облегчения на плече своего мужа. Даже скупой на эмоции Дуарте улыбнулся и обнял свою невесту. Шеннон уже отправилась в палату к Антонио.

Карлос повернулся к своей жене. Ее натянутая улыбка заставила его насторожиться. После того как Лайла вернулась от его отца, она стала какой-то странной. Когда он спросил ее, все ли с ней в порядке, она ответила, что просто волнуется за Энрике. Что все они должны думать только о нем и не отвлекаться на пустяки.

Он провел девять часов в напряженном ожидании, но теперь, когда узнал, что операция прошла успешно, решил выяснить, что творится с Лайлой.

— Я рада, что твой отец и брат в порядке. Если я тебе больше не нужна, я вернусь в отель.

— Должно быть, ты устала.

Он только сейчас понял, как тяжело было беременной женщине просидеть здесь столько часов. Сейчас глубокая ночь. Ему следовало быть к ней повнимательнее.

— Я отвезу тебя.

— Не надо. — Она поднялась. — Я сама доберусь. Ты нужен здесь.

Прежде чем он успел как-то на это отреагировать, она повернулась и пошла по пустому коридору.

Что, черт возьми, происходит? Несомненно, Лайла очень устала. Но она не поцеловала его на

прощание, не прикоснулась к нему. В глубине ее глаз прятались боль и гнев.

Он вспомнил, когда она смотрела на него точно так же — утром после их близости почти три месяца назад. Она вошла на кухню в его рубашке и смотрелась так уместно в его одежде, его доме, его жизни, что он испугался нахлынувших на него чувств и отгородился от нее стеной ледяного безразличия.

Черт побери. Сейчас он сделал то же самое, что и тогда. Позволил ей уйти.

Он пошел за ней, негодуя на боль в ноге и хромоту, которая не позволяла ему двигаться быстрее.

Поняв, что ему ее не догнать, он оперся рукой о стену и крикнул ей вслед:

— Лайла, стой!

Остановившись у двери, ведущей в больничную часовню, она медленно повернулась. Сократив расстояние между ними, Карлос спросил:

— Что здесь происходит?

Она сложила руки на груди:

— Я же сказала тебе, что устала и собираюсь вернуться в отель.

— Подожди немного, и я поеду с тобой.

— Больше нет необходимости притворяться, Карлос, — произнесла она низким сдавленным голосом. — Не бойся, я не собираюсь рассказывать правду тяжелобольному человеку.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду.

Часто заморгав, она огляделась по сторонам, после чего схватила его за руку и втащила в часовню:

— Твой отец сказал мне, что ты сообщил ему о нашем ребенке и таким образом уговорил его на операцию.

— Разве так предосудительно использовать для спасения больного отца любые доступные средства?

— Любые доступные средства? — Она невесело рассмеялась. — Нам не следует говорить об этом сейчас. Мы оба очень устали. Тебе следует быть с твоей семьей.

— Я здесь с тобой.

— Надолго ли? — Остановившись, она подняла руки. — Забудь, что я сказала.

— Нет, не забуду, — отрезал он. — Мы с тобой муж и жена. Прости, но я не понимаю, из-за чего ты на меня злишься.

Она прошла в глубь тускло освещенной часовни:

— Знаешь, себя я тоже считаю виноватой. Я была слишком легковойной. Мне следовало

заподозрить неладное, когда ты так быстро передумал и признал ребенка. Напоминаю, что с того дня, когда я сообщила тебе о своей беременности, прошла всего неделя.

Ее слова пронзили его сердце подобно острому ножу.

— Ты правда думаешь, что мной двигали скрытые мотивы, когда я на тебе женился?

— Твой отец отказывается от трансплантации, затем ты даешь ему смысл жизни, рассказав о ребенке, которого я жду. Ребенке, с которым ты никогда не чувствовал связи. — Она вцепилась в спинку деревянной скамьи.

Ему нечего на это возразить. Лайла порядочная женщина, а он вел себя с ней как последний мерзавец, и сейчас ему очень за это стыдно. Ему было проще прийти к выводу, что она его обманула, чем допустить, что после всех пережитых им страданий в его жизни произошло чудо. Вместо того чтобы радоваться подарку судьбы и строить планы на будущее, он прогнал женщину, носящую под сердцем его наследника. Да, он вовремя одумался, но злоупотребил ее доверием.

— Лайла, мне жаль, — искренне произнес он, приблизившись к ней на несколько шагов.

— Ты опоздал, Карлос. Я тебе больше не верю.

С этими словами она отвернулась и отошла в сторону, дав ему понять, что разговор окончен. Как и их отношения.

Когда шаги Карлоса утихли, Лайла, почувствовав слабость в ногах, опустилась на скамью и несколько раз глубоко вдохнула, чтобы сдержать слезы. В воздухе пахло ароматизированными свечами, горящими у входа. Неужели она только что прогнала своего мужа?

Пока оперировали короля, она молчала, планируя немного подождать, прежде чем поехать в отель и начать собирать вещи. Но Карлос сам с ней заговорил, и она высказала ему в лицо все, что о нем думает.

Как же она осложнила себе жизнь! Она принялась вращать на пальце обручальное кольцо, которое приняла с такой надеждой. Эта фамильная ценность стоит целое состояние и не принадлежит ей. Ей нужно вернуть кольцо Карлосу, прежде чем она покинет больницу.

Вытянув перед собой ноги, Лайла пристально уставилась на бриллиант, в гранях которого отражался свет, проникающий сквозь витражное окно. Она смотрела на него до тех пор, пока ее веки не потяжелели и она не погрузилась в сон.

Прокручивая в голове ссору с Лайлой, Карлос смотрел на своего спящего младшего брата. Он сменил Шеннон, которая пошла подкрепиться.

Антонио всего на восемь лет младше его, но он по-прежнему видит в нем маленького мальчика, которым он был, когда они покидали Сан-Ринальдо.

Вращая в руке старинные золотые часы, Карлос перенесся в мыслях в другой вечер, когда отец дал их Антонио. Они готовились бежать с Сан-Ринальдо, и Энрике попросил своего младшего сына хранить эти часы до их следующей встречи.

В тот вечер Антонио закутался в плед, связанный их матерью, и сказал братьям, что это его

щит, с помощью которого он будет охранять отцовское сокровище.

Мятежники атаковали их за два квартала до того места, где у берега стоял корабль, на котором они должны были уплыть с острова. Они находились в парке, но Дуарте и Антонио думали, что они в дремучем лесу. Тогда они оба были маленькими, и все казалось им намного больше, чем их старшему брату-подростку. Все же Карлос велел восьмилетнему Дуарте присмотреть за Антонио, а сам взялся защищать мать. Дуарте успешно справился со своим заданием, а Карлос провалился. Сейчас Антонио спас отца. Младший из братьев Медина давно уже не мальчик. Он шире в плечах и крепче, чем Карлос и Дуарте. Он привык проводить много времени на свежем воздухе и мало походит на человека, которого только что прооперировали. Кажется, что этот непоседа просто лег спать, чтобы утром с новыми силами приступить к любимой работе.

С тех пор как они покинули Сан-Ринальдо, много воды утекло, однако Карлосу временами кажется, что он застрял в том роковом дне, когда из-за его оплошности погибла их мать.

Разве удивительно, что у него ничего не получилось с Лайлой?

Глаза Антонио медленно открылись. Отбросив гнетущие мысли, Карлос положил часы на столик и изобразил на лице улыбку:

— Привет, Тони.

— Как отец? — Антонио медленно пошевелился и поморщился от боли.

— Операция прошла успешно. Он спит. И тебе тоже следовало бы отдохнуть. — Карлос смочил губы брата влажной салфеткой. Ему пока нельзя пить. — Братец, ты ужасно выглядишь, — пошутил он.

— И это ты говоришь герою сегодняшнего дня? — хрипло произнес Антонио.

— Теперь я знаю, что ты в порядке.

Антонио рассмеялся, затем закашлялся и снова поморщился:

— Спасибо, что сидишь со мной. Но разве ты не должен быть сейчас со своей молодой женой?

— Она... э-э... отдыхает в отеле.

Антонио поднял бровь. Взгляд его был ясным и проницательным.

— У тебя плохо получается врать.

— А ты плохой пациент. — Карлос передал брату маленькую подушку. — Прижимай ее ко шву, когда кашляешь. Кашель — это хорошо. При нем твои легкие расширяются, и риск возникновения пневмонии становится меньше. Попрактикуйся, пока я схожу за Шеннон. — Он начал подниматься.

Антонио схватил брата за запястье. Для человека, которого только что прооперировали, у него была на удивление сильная хватка.

— Что случилось? Не увиливай. Мы слишком хорошо друг друга знаем. Когда ты испытываешь неловкость, ты разговариваешь как занудный доктор.

Карлосу не хотелось сейчас тревожить брата, но он знал, что тот от него не отстанет.

— Лайла думает, что я женился на ней только для того, чтобы убедить отца согласиться на операцию, — сказал он, откинувшись на спинку стула.

— Это правда? — спросил Антонио. — Я никого не осуждаю, просто мне интересно.

— Отчасти правда. — Карлос посмотрел на свои руки, лежащие на коленях. — Она беременна. Очевидно, я все-таки могу иметь детей.

— Поздравляю тебя, брат. — Он похлопал Карлоса по руке. — Полагаю, ты забыл ей сказать, что любишь ее. Возможно, она не догадывается, но для нас, твоих родных, очевидно, что ты потерял из-за нее голову.

Карлос закрыл глаза. Разумеется, так оно и есть. Он не может выбросить Лайлу из головы с того самого утра, когда отдалился от нее, напуганный тем, что она проникла сквозь его защитные барьеры и заставила его выйти из тени прошлого навстречу будущему. Он полюбил ее и испугался этого чувства. Ведь он на собственном опыте знал, как тяжело терять того, кого любишь.

— Да, это так, — ответил он, понимая, что отрицать правду не имеет смысла. — Почему ты думаешь, что я забыл сказать Лайле о своих чувствах?

— Ты блестящий хирург и одаренный музыкант, но когда дело касается слов... — Антонио покачал головой. — За годы, проведенные в больнице, ты утратил навыки общения.

Карлос удержался от саркастического замечания. Он снова взял на себя роль врача и посмотрел на показания приборов:

— Тебе следует отдыхать.

— А тебе следует прислушаться к моему совету. Женщины любят слушать. А ты боишься говорить.

Карлос поднял бровь:

— Называя меня трусом, ты ничего не добьешься. Мы не дети на площадке для игр.

— Возможно... — Антонио снова прокашлялся. — Но на меня это подействовало.

— Прошу прощения?

Антонио отложил в сторону подушку:

— Я говорю о том дне, когда мы покидали Сан-Ринальдо.

— Я по-прежнему не понимаю, что ты имеешь в виду. Я помню только, как мама...

Антонио отрывисто кивнул и снова поморщился. На этот раз не от физической боли.

— Но после того как она погибла, ты вывел всех нас оттуда. Я испугался и заплакал, а ты сказал мне, чтобы я перестал трусить и пошевеливался. Если бы не ты, мы с Дуарте погибли бы в тот день. — Он смочил губы влажной салфеткой. — Я понимаю, тебе досадно, что это не ты отдал часть своей печени, чтобы спасти отца. Но, черт побери, Карлос, ты не можешь все время быть героем. Тебе не помешает быть время от времени обычным парнем.

Слова брата заставили его задуматься. Он действительно застрял в прошлом. Работает на износ, спасая людей, чтобы искупить свою вину. В день, когда погибла его мать, между ним и нормальной жизнью выросла стена.

И эта стена не позволяла ему увидеть очевидное. Он любит Лайлу Андерсон и должен ей это сказать.

Он будет повторять это до тех пор, пока она ему не поверит.

Лайла была уверена, что спит. Иначе как она может видеть глаза, полные любви?

Но ее спина затекла на деревянной скамье. Это ощущение было вполне реальным. Она часто заморгала, чтобы прояснить взор, и снова увидела Карлоса, сидящего рядом с ней. Он словно ждал, когда она проснется.

Запах деревянных стен и стропил напомнил ей о шале в Вейле, где они с Карлосом ночевали неделю назад.

Выпрямившись, она убрала с лица волосы:

— Карлос? Как долго ты здесь сидишь? С твоим отцом и Антонио все в порядке?

Наверное, да, иначе он не был бы так спокоен.

— Да. Они оба спят. Последние несколько дней были непростыми для всех нас, но это не оправдывает того, как я с тобой поступил.

Сердце подпрыгнуло в груди у Лайлы, но она не позволила ему растаять. На этот раз она не станет довольствоваться малым. Она и ее ребенок заслуживают лучшего. Ей нужно либо все, либо ничего.

— Что ты имеешь в виду?

— Вижу, мне придется потрудиться, чтобы получить твое прощение. — Он взял ее левую руку в свою. — Я все делал неправильно, начиная с того утра, когда испугался своих чувств и позволил тебе уйти. Прости меня, Лайла. Ты даже представить себе не можешь, как мне жаль, но я приложу все усилия, чтобы исправить свои ошибки.

— Красиво говоришь.

Они оба трудоголики, практичные люди, которым зачастую некогда говорить своим близким важные слова. В ее сердце затеплился огонек надежды. Сон избавил ее от гнева, и теперь она была готова выслушать Карлоса.

Он поцеловал тыльную сторону ее ладони:

— Я хочу быть твоим мужем. Не из-за моего отца, а потому, что без тебя моя жизнь пуста. Я буду рядом с тобой и нашим ребенком каждый день своей жизни. Не могу обещать, что перестану быть задумчивым и молчаливым, но клянусь, что буду делиться с тобой своими размышлениями.

Его слова произвели на нее большое впечатление. Он предложил ей намного больше, чем она надеялась получить от такого замкнутого мужчины.

— Размышлять время от времени не возбраняется. — Лайла сжала его руку в знак одобрения.

— Я очень благодарен тебе за то, что ты вытащила меня из этой бездны. Помешала мне вымотаться до такой степени, что я перестал бы приносить пользу людям, — произнес он низким рокоющим голосом, который отозвался эхом в стенах часовни. — Ты не только моя жена, моя любовница, мать моего ребенка, ты еще и мой друг. Единственный человек, который может спасти меня от одиночества.

К ее горлу подступил комок, и ей пришлось помолчать некоторое время, прежде чем она смогла ответить:

— Для такого немногословного человека, как ты, это отличная речь. Ты можешь быть романтичным когда нужно. Романтик просыпается в тебе не только в те моменты, когда ты играешь на рояле.

— После того как я до смерти испугался, что могу тебя потерять, я обнаружил, что мне стало проще говорить о своих чувствах с женщиной, которую я люблю.

Люблю.

Из всех слов, которые есть на свете, ей больше всего хотелось услышать от него именно это. Она не думала, что он ей когда-нибудь скажет. Заглянув в его горящие глаза, она поняла, что не ослышалась.

— Карлос, мне жаль, что сейчас я так взволнована, что не могу произнести красивую речь о том, как я рада, что мы пришли к взаимопониманию, потому что тоже тебя люблю. — Она положила ладонь на его небритую щеку, прижалась лбом к его лбу, и нужные слова сами пришли на ум. — Меня восхищает в тебе все: твой блестящий ум, твои поцелуи и ласки, твоя преданность пациентам. — Она нежно коснулась губами его губ. — Ты удивительный человек, Карлос, и я хочу любить тебя всю оставшуюся жизнь.

— Именно это я мечтал от тебя услышать, но даже не надеялся. — Проведя ладонями вниз по ее рукам, он переплел свои пальцы с ее. — Ты выйдешь за меня замуж еще раз? — Он указал ей на небольшой алтарь. — Здесь и сейчас?

— Конечно, любимый.

Эпилог

Восемь месяцев спустя

Карлос вошел в одну из своих комнат в особняке на острове, поглаживая по спине своего сына и тихо напевая. Он не умел петь колыбельные, но песня Фрэнка Синатры подошла. Пары куплетов «Улети со мной на Луну» оказалось достаточно для того, чтобы его семинедельный малыш начал засыпать.

Тогда он осторожно опустил его в голубую колыбельку, но не отстранился. Ему доставляло огромное удовольствие смотреть на своего маленького сына. Он до сих пор не верил, что получил от судьбы такой подарок, когда уже оставил всякую надежду.

Маленькие, но на удивление длинные пальчики обхватили его большой палец.

— Может, в семье Медина наконец будет профессиональный музыкант. Как ты думаешь, Энрике?

Лайла настояла на том, чтобы они назвали сына в честь дедушки.

После операции король быстро пошел на поправку, воспрянув духом. Он часто гулял по пляжу с внуками — маленьким Энрике и дочкой Элоизы Джинджер.

Дети, с их темными волосами и упрямыми подбородками, как у всех Медина, были похожи как родные брат и сестра. На семейном совете было решено, что все члены семьи будут раз в месяц собираться на острове. Пока Энрике восстанавливался после трансплантации, его дети делали это еще чаще.

Малыш крепко уснул, и его хватка ослабла. Карлос улыбнулся и осторожно убрал руку.

Лайла взяла годичный отпуск по уходу за ребенком, но днем Карлос на пару часов приходил домой, чтобы дать жене немного отдохнуть. Он наслаждался бесценными минутами, которые проводил со своим сыном, а по вечерам ждал, когда тот уснет, чтобы уделить время жене.

Вне всякого сомнения, после сегодняшней свадебной церемонии и приема маленький Энрике будет крепко спать до самого утра.

Дуарте и Кейт настояли на том, чтобы на их свадьбе присутствовали все члены семьи, включая самых маленьких. В последнее время Медина часто собирались вместе, и в такие дни просторный особняк казался переполненным. На крестины маленького Энрике приезжали родители Лайлы. Оба сразу влюбились в своего внука.

Наконец настало время, которого Карлос ждал с таким нетерпением. Нежно поцеловав сына в лоб, он покинул детскую и пошел на шум льющейся воды, доносящийся из ванной. Сняв бабочку и расстегнув воротник рубашки, он взял розу из серебряной вазы, стоящей у двери, и, понюхав ее, вошел в ванную и открыл запотевшую дверцу душевой кабины.

— Мне нужно с тобой поговорить, — повторил он слова, произнесенные Лайлой восемь месяцев назад, когда она удивила его своей смелостью, войдя в мужскую душевую. — Это единственное место на острове, где я могу побыть наедине с тобой.

Струи воды стекали по телу его жены, которое после беременности стало еще соблазнительнее.

— Я вся внимание, — игриво улыбнулась она, подняв руки.

Быстро раздевшись, Карлос с розой в руке вошел в душевую кабину.

— А я намерен приложить все усилия для того, чтобы всю ночь быть в центре твоего внимания, — сказал он, оторвав лепестки от бутона и бросив стебель на пол.

— Снова собираетесь сделать мне эротический массаж, доктор? — Она обвила руками его шею.

— Сегодня будет самый тщательный массаж. — Намылив руки, он принялся покрывать кожу Лайлы смесью из пены и лепестков. Горячий воздух наполнился сладким цветочным ароматом.

— М-м-м... — простонала она, запрокинув голову. — Нам следует застраховать твои руки. Мне очень повезло, что я встретила тебя.

— Нет, это мне повезло. Я не забуду об этом ни на секунду, можешь быть в этом уверена. — Он взял в ладони ее лицо. — Я люблю вас, миссис Медина.

— А я вас, доктор Медина.

mir-knigi.org